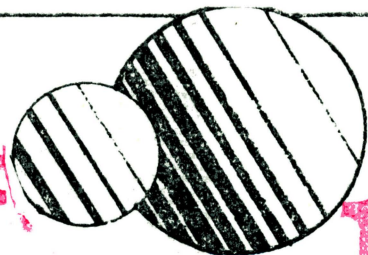

ВЫПУСК
14

Шифр

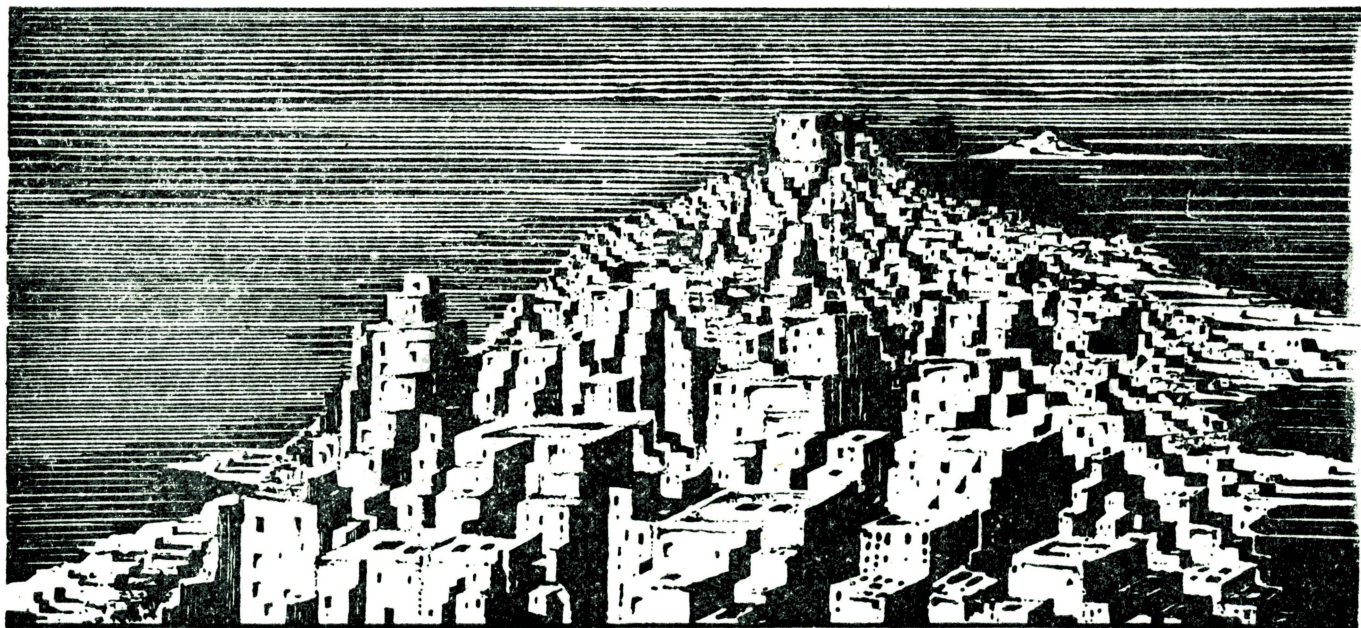
приключения фантастика

БИБЛИОТЕЧКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

В НОМЕРЕ • КОМИКС • С. АШМАРИНА ★ ЗАКЛЯТИЕ ★

ЗАКОВАННЫЙ МАЙКЛ КОУНИ

РАЗУМ

П

РИМЕРНО в пятидесяти милях от материковой массы серой каменной башней вздымается со дна океана остров. Бледные обитатели называют его Фестив, что в переводе с английского означает «праздничный», «веселый», хотя это едва ли подходящее название для похожих на тюрьму стен с окошками, поднимающихся из моря и занимающих почти весь остров.

Самые старые жители (как все старые жители во все века, они уверены, что знают больше других) утверждают, что название Фестив образовано от искаженного и сокращенного «Фоллаут шелтер файв» — «убежище от радиоактивных осадков номер пять». Странное словосочетание, происхождение которого затеряно в веках, как и история возникновения колонии. Много веков колония неуклонно росла из подземных пещер сквозь камень и гальку на поверхность. Затем долгие годы все выше и выше строились стены. Люди, работающие в скаффандрах, в которые от машин, гудящих в огромных камерах под уровнем моря, подавался кислород, старательно герметизировали каждую новую секцию от ядовитого наружного воздуха. Таким образом, подобно далеким предкам жители острова из пещеры перемещались в дом.

Когда солнце тронуло башню золотым лучом, возвращаясь с запада, пронеслась над морем маленькая стая голубей. Слово заряд крупной дроби на фоне алого неба. Голуби поднялись над внешней стеной и полетели, почти касаясь плоской крыши колонии. То тут, то там им приходилось сворачивать, чтобы обогнуть новые постройки — комнаты для жилья, выступающие над ровной поверхностью крыши. Но, обогнув препятствие, голуби продолжили движение в прежнем направлении, к центру острова-города.

Там они зависли в воздухе, вытянув лапки и расправив хвосты, а затем по очереди нырнули в колодец, уходящий вниз между темными стенами...

В крошечной комнате, безвольно сложив на коленях узловые руки, сидел пожилой человек и вспоминал старые добрые времена, которых на самом деле у него никогда не было. Шорох крыльев вывел его из оцепенения, он поднялся, растирая руками затекшие ноги, затем осторожно взобрался на небольшую кучку камней в углу, похожую на те, что оставляют после себя строители.

Натянув на лицо резиновый респиратор, он поднял руку и откинул защелку на потолочном окне. Затем на короткий миг старик приоткрыл его и, когда голуби ворвались в комнату, тут же захлопнул и опустил ее на пол. Лишь через несколько минут он снял маску, подозрительно принохался, и, успокоившись, взглянул на птиц.

Одинадцать голубей сидели рядком на установленной над столом жердочке, сделанной из куска оцинкованной трубы. Пока старик внимательно осматривал птиц, они в свою очередь следили за ним немигающими глазами.

Старик вздохнул, опустил ее на колени перед эмалью-ящиком под столом и, пробежав взглядом по индикатором, выключил голубей.

Они сидели в крошечном кафетерии Секции-13, зажатые со всех сторон серыми каменными стенами. Лицо девушки выражало озабоченность и мольбу. Она наклонилась над столом и положила руки поверх рук своего собеседника. В комнате было тихо, поэтому говорила она негромко.

— Я не могу ждать вечно, Дэвид. Мне уже двадцать три. Принципы — это очень хорошо, но нужно жить в соответствии с ними, а не ради них. Как ты не понимаешь? Я люблю тебя и хочу, чтобы мы поженились. Все очень просто.

На лице молодого человека читалось упрямство и одновременно желание. Он взял девушку за руку, но все время смотрел на стол, выводя свободной рукой абстрактные узоры на грубой поверхности.

— Не так просто, как ты думаешь, — тихо ответил он. — Я был с детства членом Стабилизационной партии. А ты нет. Ты не поймешь, Джилли... Я тоже тебя люблю. Но мы не можем пожениться. — Он поднял глаза и взглянул на нее в отчаянии. — Разве ты не знаешь, что может случиться с Фестивом, со всеми нами, если население будет расти? Совету давно пора издать запрещающий закон.

— Я сказала: «Хочу, чтобы мы поженились», — возразила Джилли беспомощно. — Про детей я ничего не говорила.

— Но это само собой разумеется, разве не так? Мне приходилось видеть подобное. Два человека начинают жить вместе, и не успеешь оглянуться — у них уже дети. Господи, если бы только эти дураки могли понять, что происходит! Если в один год каждая женщина на Фестиве принесет потомство, население утрется к концу года, при условии, что в среднем у них будет по шесть детей. И это еще осторожная оценка.

— У Джейн Данкерли в последний раз было двое. Всего двое... Очень милые маленькие мальчишки. — Тут она уже не могла справиться с голосом, выдающим ее волнение.

Дэвид заглянул ей в глаза.

— Значит, ты все-таки думала про детей! — мрачно уличил он. — Вы, женщины, все одинаковы, у вас одно на уме. Мужчина сам по себе вас не интересует. Я иногда думаю, что ты делаешь у старого Иеремии? Ему, должно быть, уже за семьдесят. Что вас связывает?

Джилли вспыхнула.

— Иеремия очень хороший старик, — произнесла она сердито. — Он много знает, и с ним интересно. Ему одиноко в его маленькой комнате. У него никого нет, кроме голубей, и он мне действительно нравится, — добавила она, словно оправдываясь.

Дэвид встал, заканчивая разговор.

— Может быть. Но я могу сказать тебе одну вещь, которой он не знает. Ему недолго осталось запустить своих голубей.

— Что ты имеешь в виду? — Джилли вскочила со своего места.

— Он не сможет их запустить, если над ним построят комнаты.

— Вы собираетесь строить над Иеремией? — спросила она возмущенно.

— Распоряжение местного Жилищного Комитета. — Сказал он и, смягчившись, добавил. — Извини, Джилли. Я не всегда одобряю его решения, ты же знаешь. Но в данном случае Комитет прав. Мы откладывали застройку над Иеремией целых пять лет из чистой сентиментальности: его любят в Секторе. Однако теперь комплекс поднялся вокруг него вверх, и это опасно. Если ты наденешь скаффандр и выйдешь на улицу, то сама увидишь, что там все ровное и геометрично, кроме этого квадратного колодца к Иеремии, глубиной в три этажа. Достаточно небольшого землетрясения, и Атмосфера ворвется внутрь. Это очень ненадежное место.

— Но разве нельзя переселить его Наверх в одну из новых комнат?

— Ты сама знаешь, что он не станет переезжать. И потом. Наверх, где есть окна в крыше, мы стараемся поселить детей и подростков. Чтобы вырасти сильными, им нужен природный свет, так же, как, например, гидропонным установкам — искусственный. Комитет Здоровья утверждает, что солнечный свет лучше естественного. — Он вздрогнул, подумав о солнце и о том, что с ним связано: Атмосфера, Внешняя Среда.

Внимательно наблюдая за ним, Джилли почувствовала, о чем он думает, и ей захотелось успокоить его.

— Пойдем, Дэвид, — сказала она тихо. — Давай прогуляемся Внизу и посмотрим гидропонные поля.

Хотя сама она не испытывала страха перед тем, что пугало по крайней мере половину колонии, Джилли догадывалась, чего стоило ему каждый раз, когда того требовали обязанности члена Жилищного Комитета, надевать скаффандр и выходить Наружу.

В тот вечер Джилли снова навестила Иеремию, и он опять рассказывал ей о голубях и небе.

— Я знаю, что все это бессмысленно, — говорил он, сидя откинувшись в кресле так, чтобы можно было видеть окно в потолок, а за ним квадрат темного индиго с брызгами звезд. — Мне просто нравится выпускать их в мир, представлять, что они увидят там, и наблюдать, как они возвращаются. Иногда я чувствую, что я как бы лечу вместе с ними в свободном небе, высоко над морем... — Забывшись в мечтах, он остановил взгляд на прямоугольнике стекла.

— Они когда-нибудь пропадали, Иеремия? — спросила Джилли.

Лицо его потемнело.

— Когда-то, много лет назад, — ответил он печально, — у меня их было сорок восемь. Наверное, время от времени они ломаются и падают в море.

— А откуда они взялись?

— Сегодня мы задаешь много вопросов, маленькая Джилли, — улыбнулся старик. — Я нашел их вместе с книгой Внизу, в ящике, в одной из комнат, что сгорела во время бунта в тридцать седьмом. Крепкий металлический ящик, он выдержал пожар... — Иеремия медленно поднялся и подошел к двери. — Я покажу тебе...

Когда он вернулся, Джилли вскочила, чтобы помочь: ящик оказался не из легких. Иеремия поставил его на пол и откинул крышку. Внутри рядами стояли коробочки, а в глубокую нишу, догадалась Джилли, укладывался прибор управления. Старик вытащил из крепления буклет и передал Джилли.

— На, взгляни.

Джилли медленно, запинаясь, стала читать вслух.

— «Эле... Электронный Набор Голубей. Познавательная игра для любого возраста. Полный комплект с блоком управления и сорока восемь голубями, в точности воспроизводящими птиц, которых сейчас можно обнаружить только в далекой Антарктиде. У вас есть возможность вновь заполнить небо шорохом крыльев! Ни одна настоящая птица не могла выдержать такого загрязнения окружающей среды — этим голубям гарантируется стойкость от коррозии! Посылайте сообщения своим друзьям!». Ты поэтому их посылаешь? Надеешься получить весточку оттуда, Снаружи?»

— Нет, конечно, — ответил он, пряча глаза, — все знают, что, кроме нас, на свете никого больше нет. У Совета есть одна штука, которая называется «радио». Оно работает примерно так же, как этот блок управления.

Он замолчал, нервно постукивая пальцами по ящику, прислушиваясь, как дрожит комната от небольшого землетрясения, а потом продолжил:

— Говорят, когда-то оно, это радио получало сообщения. Со всего мира. Я не знаю, можно ли этому верить, но так говорят...

Последнюю фразу он произнес торопливо, и Джилли посмотрела на него пристальным взглядом.

— Ты в самом деле веришь в Мир Снаружи, да, Иеремия? Ты веришь, что есть что-то еще, кроме Фестива?

— Все бессмысленно, если не так, — пробормотал старик, потом положил буклет на место, закрыл крышку, но остался сидеть на коленях около ящика.

— Дэвиду такие разговоры вряд ли понравились бы, — заметила Джилли. — Он из Стабилизаторов. Для него, кроме Фестива, ничего не существует.

— Но мы-то знаем, что есть другие места, — возразил старик. — Существуют же еще старинные карты. И мы очно знаем, где находится наш остров.

— Я не это имею в виду. Он признает, что есть другие земли, но говорит, что это надо забыть, потому что мы ничего не сможем сделать. Мы не можем до них добраться, как как для этого нужно выходить в Атмосферу. А мысли обо всем этом делают нас неудовлетворенными.

— А почему ты об этом говоришь, Джилли? — лукаво спросил Иеремия.

Джилли застенчиво улыбнулась.

— Я говорю себе: «Думай об этих других землях, а в один прекрасный момент может быть, мы туда попадем». Ты разве не знаешь, что все женщины так думают? Наверное, мы не подчиняемся логике.

Старик пристально взглянул на нее, и на мгновение ей показалось, что ему хочется что-то сказать, но он молча покачал головой и стал подниматься с колен.

Джилли бросилась помогать. Рука старика случайно коснулась ее груди, и она тут же отскочила, борясь с поднимающейся в ней волной желания. Прижав руки в живот, она попыталась заглушить свои мысли образами гидропонных полей, голубей, моря, неба, чего угодно...

Возникшие в воображении черты молодого человека растаяли и превратились в морщины старика, фигура поникла и сгорбилась.

Старый Иеремия посмотрел на нее печальными глазами.

— Не я, Джилли, — сказал он тихо. — И мало кто из мужчин в эти дни, я думаю. Что поделаешь?..

К

АК-ТО через неделю Дэвид сказал ей:

— Джилли, я бы хотел, чтобы ты сходила со мной к Иеремии.

Они прогуливались по гидропонным полям глубоко Внизу. Воздух был насыщен влагой, а ряды низко висящих светильников давали так много тепла, что по их лицам стекали капельки пота. Джилли отвернулась, чтобы Дэвид не заметил выражения ее лица: сты-

дась проявления своих эмоций, она не приходила к Иеремии всю неделю.

— Зачем?

Рядом поливал растения рабочий в черной рубашке. Он поднял глаза, увидел Джилли, и его бледное лицо оказалось в беззубой ухмылке. Как бы случайно он наступил на шланг, и струя теплой воды брызнула Джилли на ноги и на юбку.

Дэвид никак неотреагировал на случившееся: женщины спускаются Вниз на свой страх и риск.

— Нужно сообщить ему новость о программе строительства, — объяснил он. — Совет ратифицировал решение Комитета вчера вечером. Сентиментальность ни к чему хорошему не приведет. Мы должны строить над Иеремией. Вчера ночью было еще одно землетрясение, — добавил он

многозначительно. Джилли хотела возразить, но тут Дэвид схватил ее за плечо.

— Слушай, — прошептал он.

Откуда-то издалека, с другого конца огромной камеры, донеслось слабое эхо, какой-то неясный высокий звук, похожий на пронзительный крик в несколько голосов. Он то поднимался, то снова стихал. Слов было не разобрать, только бесконечная тоска слышалась в нем.

— Бегуны! — сказал Дэвид. — Надо скорей уходить.

Они быстро двинулись по проходу между баками, пригибаясь, чтобы их хоть немного скрывала низкая стена зеленых кустов. Вопли послышались ближе, где-то между ними и лестницей на выход. Дэвид резко остановился, упал на колени и жестами приказал Джилли сделать то же самое.

Согнувшись, но все равно, даже в этом положении, чувствуя себя на виду, она смотрела сквозь ветви в направлении, откуда доносились крики, и наконец, увидела шесть голов, покачивающихся над стеной растительности. Бегуны шли по проходу, пересекавшему тот, где прятались они, в тридцати ярдах впереди. Джилли задержала дыхание, когда группа с воем и диким улюлюканьем достигла перекрестка. Оказавшись в проходе, Бегуны вдруг, словно голуби Иеремии, развернулись все разом и двинулись в их сторону.

Джилли вскочила, Дэвид тоже.

— Беги! Я их задержу! — крикнул он, поворачиваясь к преследователям. Те, заметив пару, бросились бегом. Вой сменился нечеловеческим воплем предвкушения и триумфа. В грязной одежде, с безумными глазами и перекосными от крика ртами, они неслись прямо на них, шлепая босыми ногами по мокрому каменному полу.

Джилли перебралась через низкую ограду и побежала, разбрызгивая воду, по гидропонному полю. Спутанные корни растений то и дело цеплялись за ноги; одну туфлю она потеряла, но продолжала бежать.

— Догоняй, Дэвид, — крикнула она, увидев через плечо, как ее защитник оторвался от дерущейся толпы и вслед за ней перебрался через ограду. Под яростные крики преследователей, отражавшиеся от высокого потолка, Дэвид догнал ее и, схватив за локоть, потянул вперед.

— Можем успеть к центральной шахте, — задыхаясь, проговорила Джилли. — Там есть люк.

Дэвид, не ответив, на бегу показал рукой налево. До сих пор ее глаза были прикованы к толстой колонне вдали, наполовину скрытой испарениями, к сияющей башне, которая поднималась посреди поля и упиралась в потолок, но теперь она взглянула в том направлении, куда указывал Дэвид.

Оттуда приближалась уборочная машина. Огромный агрегат, состоящий из загрузочных бункеров и мелькающих внизу лезвий, катился по камере, занимая всю ширину поля от стены до стены. Подбрасывая изумрудный водопад срезанной зелени и выплескивая его в бездонные бункеры, машина неумолимо приближалась к ним.

— Вперед! Успеем! — крикнул Дэвид.

Всклипывая, Джилли продолжала бежать. Вторая туфля тоже осталась где-то позади, и грубые корни больно резали ноги. Комбайн подошел совсем близко. Она старалась не смотреть на гремящие лезвия, хищно сверкающие в искусственном свете. Позади раздались предупреждающие крики, едва слышные сквозь грохот машины, но в этот момент что-то твердое и неподатливое ударило Джилли по ногам, и она упала вперед, невольно вскрикнув. Потом оказалось, что она, зажав руками уши, лежит на сухом твердом полу.

— Все в порядке, Джилли. Вставай. — Дэвид положил руку ей на плечо и помог подняться. Дрожа от волнения, она встала, опираясь на его руку.

Они попали в коридор за гидропонной камерой. Джилли споткнулась, не заметив разделительной перегородки. Уборочная машина прошла вровень с ними, и настала врасплох шестерых Бегунов в середине поля. Джилли замерла не в силах оторвать взгляд.

Очевидно, помешательство не до конца лишило их разума. Пятеро сразу бросились ничком на землю. Но шестой продолжал отступать перед лезвиями, вытянув руки вперед, будто пытался отогнать машину. Его рот был широко открыт, но грохот заглушал крик. Внезапно Бегун повернулся, собравшись бежать. Лезвия ударили его по ногам прямо над коленями.

В ужасе Джилли заметила, как безногое обезображенное тело, подбросило назад, в бункер, но Дэвид тут же оттащил ее прочь.

— Быстрее! — прокричал он. — Они бросятся за нами, как только машина пройдет.

Схватив Джилли за руку, Дэвид снова потянул ее вперед. Спотыкаясь, она двинулась за ним, и наконец, выбившись из сил, они добежали до центральной шахты. Дэвид открутил колесо и открыл люк. В лицо ударило горячим смрадным воздухом.

— Внутрь, быстрее. — сказал он. — Я закрою за тобой люк и попытаюсь добраться до лестницы.

Джилли остановилась на первой перекладине, и в этот момент резкий порыв воздуха взметнул вверх ее одежду.

— Ты идешь или нет? — спросила она невнятно, потом ухватилась за перекладину повыше, свободной рукой опустила мокрую, прилипшую к лицу ткань платья и озабоченно посмотрела на него. Взгляд Дэвида скользнул по ее ногам, и к страху на его лице добавилось какое-то новое выражение.

— Там, Неверху, шахта открыта в Атмосферу, — нервно пробормотал он, избегая ее взгляда.

— Перестань ваять дурака, Дэвид, — прикрикнула на него Джилли. — Здесь восходящий поток, ты сам это видишь. Быстро внутрь и лезь вверх.

Вновь раздавшиеся на поле вопли убедили его: Бегуны возобновили преследование. Он перекинул ноги в шахту и полез за ней.

Перебирая руками, они торопливо поднимались в спускающейся тьме. Смрадный воздух жалил ноздри и веки Джилли: она взбиралась с закрытыми глазами и старалась дышать совсем неглубоко. Один только раз она взглянула вниз, увидела дергающуюся на фоне кружка света голову Дэвида, затем снова зажмурила глаза, стараясь не думать об ужасной бездне внизу.

Они миновали несколько люков, потом наконец решили, что будут в безопасности, и открутили выступающее из стены колесо, выбрались в ярко освещенный коридор. Джилли помогла Дэвиду вылезти из шахты, он захлопнул за собой люк и прислонился к стене, переводя дыхание. Оказалось, что они в коридоре Уровня-12. Люди проходили мимо, оглядываясь на них с удивлением и любопытством. Но в остальном все выглядело успокаивающе нормально.

Наконец Дэвид сказал:

— Ты ходила Вниз последний раз. Для женщин и детей место Наверху. Будь добра, в будущем оставайся там.

Поняв, что он просто старается проявить заботу, она не стала спорить и спросила его о Бегунах.

— Это случается время от времени, — объяснил он.

— Группа рабочих вдруг сходит с ума. Что-то вроде истерии нападает на одного, потом присоединяются остальные. Мне довелось видеть, как «бегали» сразу двадцать человек. Они просто бегали и кричали. Мы пробовали брать их Наверх и показывать им небо, но от этого становилось только хуже. Их надо усыплять на день-два.

— А что бы они сделали, если бы догнали нас?

Дэвид застыл.

— Они бы убили тебя, — ответил он холодно. — Только это и ничего больше. Там Внизу не любят женщин.

ЧАСОМ позже они были уже у двери в комнату Иеремии.

— Говорить буду я, — сказал Дэвид. — Я бы не хотел все испортить сразу только потому, что вы поддерживаете дружеские отношения. Для начала официальные дела. Потом, если необходимо, ты можешь проявить женское сочувствие. Ладно?

— Ладно, — Джилли, все еще возбужденная после погони, подчинилась.

Дверь отворилась вовнутрь, и она увидела знакомую сгорбленную фигуру.

— Здравствуй, Иеремия, — произнесла она, сдерживая волнение.

— Джилли! — обрадованно воскликнул старик. — Рад тебя видеть. Скучал без тебя всю неделю. Ты привела своего друга? Очень хорошо. Входите... — Он сделал шаг в сторону, пропуская их в комнату, потом подтащил кресла. — Садитесь, садитесь...

— Э-э... Иеремия, — деловым тоном произнес Дэвид, пока они не разговорились о пустяках. — Это официальный визит. Я представитель Жилищного Комитета. Меня зовут Дэвид Бэнк...

— Но ведь вы друг Джилли? — озабоченно спросил Иеремия.

— Э-э... Да, но...

— Рад познакомиться, Дэвид. Очень немногие молодые люди теперь поглядывают на женщин. Джилли хорошая девушка. Она просто заслуживает мужа. Когда вы собира-

— Мы не собираемся, — отрезал Дэвид.

— О... — Иеремия перевел взгляд с Дэвида на Джилли, потом обратно и пробормотал. — Ясно... Насколько я понимаю, ты из Стабилизаторов?

— Да.

В наступившем молчании Джилли срочно пыталась придумать, что бы сказать. Визит разочаровал Иеремию. Он всегда относился к ней, как к дочери, или, скорее, как к внучке, и она прекрасно знала, как важно ее счастье для старика. Взгляд ее остановился на столе в углу.

— Что с голубем? — спросила она. — Почему он не со всеми Снаружи?

Иеремия подошел к столу и вернулся, держа птицу в руках. Через ее открытую грудную клетку был виден сложный, тонкий механизм.

— Он зацепился крылом, когда возвращался вчера вечером, — произнес старик с сожалением. — И теперь не может летать.

Дэвид недоверчиво посмотрел на окно в потолке и спросил:

— Надо думать, там есть шлюзовая камера?

— О, да. Птицы открывают наружный люк сами, а потом, когда они все Внутри, я выпускаю их в комнату. — Старик глядел на Дэвида с растущим беспокойством.

— Большой шлюз?

— Не знаю. Примерно четыре кубических ярда, я думаю. — Старик опустил глаза.

— Что? Ты хоть понимаешь, что каждый раз, когда ты открываешь люк, ты выпускаешь четыре кубических ярда Атмосферы в Фестив?

— В мою комнату, — поправил его старик, поднимая взгляд. — И я все еще жив, не так ли?

— Старый глупец! — взорвался Дэвид. — Ты, может быть, лишил себя десяти лет жизни!

— Десять лет... — тихо повторил старик. — Это большой срок... Однако, откуда ты можешь знать? Откуда ты знаешь, сколько бы я прожил? И вообще, откуда ты знаешь, что Атмосфера ядовита?

— Посредством инструментов, разумеется. У нас есть радиометры. Мы часто снимаем показания. Часто.

— Как часто?

— Я не знаю. Всем этим занимается Совет. Не все же мы специалисты, черт побери!

Иеремия улыбнулся.

— А Совет полностью состоит из мужчин?

— Что если это и так? Цифры не лгут.

— Интересно, что увидели бы женщины в этих цифрах, если бы информация была доступна всем? — спросил Иеремия, глядя на Дэвида в упор.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что у нас нет оснований считать выход Наружу опасным. Я имею в виду, что мужчины боятся выходить Наружу гораздо больше, чем женщины. Мы прожили так долго Внутри, что уже сама мысль об Атмосфере пугает нас. «Так почему бы не поддерживать «статус кво?» — говорят некоторые. Почему бы не убедить людей, что Атмосфера все еще радиоактивна? Тогда все эти люди у власти, которые боятся свежего воздуха, смогут продолжать править из своих маленьких уютных герметичных камер. Почему бы не создать Стабилизационную партию, целью которой будет снизить рождаемость?..

— Это не единственная цель партии, — возразил Дэвид.

— Продолжай, Иеремия, — попросила Джилли.

— Видишь, Дэвид, — сказал старик. — Джилли нравится то, что говорю. Это соответствует ее инстинктивным ощущениям... Я бы хотел, чтобы ты на минуту представил... Представь себе общество, полностью изолированное от мира и какое-то время само себя обеспечивающее. Его основатели начали свою жизнь под землей, но с ходом лет прирост населения заставил их выйти на поверхность, хотя они продолжали строить все тем же методом: полная изоляция, потому что один вдох отравленного воздуха означает мгновенную смерть. Они строят вверх, так как их острог мал. Строительные материалы, добываемые из-под земли и из окружающего моря, получать все труднее, а население продолжает расти. Представь себе Фестив. И представь себе как следствие отношение к проблеме в человеческих умах. Воздух снаружи ядовит. Колония не способна расширяться. Существующие с самого начала фабрики по производству продуктов тоже не могут быть расширены: не хватает знаний, материалов. Все — и мужчины, и женщины — приходят к одному решению: рождаемость надо сократить.

— И женщины тоже? — скептически поинтересовался Дэвид.

— Да, в то время они соглашались. Все это гипотеза, не забывай. Давай предположим, что идея сработала, и население перестало расти. Но у всех и каждого где-то в глубине сознания хотя бы изредка мелькает уверенность, что машины не вечны, что рано или поздно выйдут из строя либо воздухоочистительные сооружения, либо пищевая фабрика, либо электросеть. Когда-нибудь произойдет такая основательная поломка, что имеющиеся у нас знания и материалы ничем нам не помогут.

Когда Иеремия сделал паузу, чтобы все прониклись смыслом сказанного, в маленькой комнате наступила тишина. Дэвид невольно вздрогнул, когда комнату чуть трянуло при подземном толчке. Взгляд Джилли остановился на лице старика. Они никогда не говорили на эту тему, но ей казалось, что она знает, к чему он ведет.

Наконец Иеремия предложил:

— Когда-то была такая штука — Природа. И у нее была привычка так или иначе следовать своим курсом. «Брать свое» — так, кажется, говорили. Так вот Природа проникла в рукотворный Фестив и взяла свое. Она пытается заставить колонию расширяться и вырваться из заточения, пока еще не поздно. Человеческим ограничениям на рождаемость она противопоставила многодетность. Женщины, не понимая почему, стали агрессивнее. Мужчины укрылись в нижних уровнях колонии, проповедуя Стабильность языком логики. Женщины же, подчиняясь интуиции, перебрались на верхние этажи, потому что это ближе к Внешнему Миру.

Иеремия взглянул на молодого человека в упор.

— Тебе что-нибудь это напоминает, Дэвид? Ты представляешь себе, как мужчины жмутся около ломающихся машин, а женщины тянутся к свету? Похоже это на Фестив?

Лицо Дэвида побелело. Он взглянул на Джилли, и та вздрогнула, заметив в его глазах озлобление.

— Никогда в жизни не слышал столько глупостей сразу, — сказал Дэвид холодно. — Твое счастье, что ты друг Джилли.

Он заставлял себя говорить спокойно, и Джилли вдруг с сочувствием поняла, что его логике только что была противопоставлена другая логика, его мужскому превосходству угрожал другой мужчина.

— Все, во что я верю, не имеет значения — тихо произнес Иеремия. — Я не доживу до перемен.

— Это будет иметь для тебя значение, старик, когда твоё окно в небо закроют! — в запальчивости повысил голос Дэвид. — Тогда ты не сможешь больше запускать своих птиц, потому что над тобой построят три этажа. И можешь быть уверен, это случится скоро.

Увидев, как изменилось лицо Иеремии, Джилли догадалась, что Дэвид ударил в его самое больное место.

Джилли двигалась по заполненному народом коридору Уровня-8, как всегда, ощущая некоторое неудобство, вызванное присутствием мужчин вокруг. Этот коридор нравился ей больше других: здесь мужчин и женщин было примерно поровну в отличие от угрюмых «мужских» Нижних уровней или лишенных надежды «женских» Верхних. То и дело она задевала неосторожного пешехода, весело извиняясь и чувствуя восторг от простого прикосновения. Все женщины вели себя так же, а мужчины привыкли к этому. «Если бы они еще и как-то реагировали!» — подумала она и на полном ходу, на этот раз ненамеренно, столкнулась с мужчиной, который в самом деле отреагировал — схватил ее за плечо.

— Извините! — весело произнесла Джилли и тут увидела его лицо. — Дэвид!

Целую неделю он, очевидно, избегал ее. Она звонила ему на работу, но там отвечали, что он занят. Пробовала застать его в комнате, где он жил, но никто не открывал на стук. Через несколько дней она сдалась, решив, что связывавшие их непрочные узы навсегда порвались, как это часто бывает в таких случаях. Но сейчас, похоже, он хотел с ней поговорить.

— Привет, Джилли, — произнес он старательно нейтральным тоном, все еще удерживая ее, словно боялся, что она убежит. — Давно тебя не видел. Мы можем поговорить?

Совершенно ошеломленная нахлынувшими при виде его чувствами, Джилли не сразу нашла, что сказать.

— Здесь... Здесь недалеко есть комната отдыха, — наконец пролепетала она.

К счастью, комната оказалась пустой, и можно было поговорить спокойно. Джилли села в кресло, но Дэвид продолжал стоять, нервно перелистывая номер «Жизни

Художник С. Григорькин.

Фестива» месячной давности, оставленной кем-то на столе.

— Пишут, продукция гидропоники возросла, — ни с того ни с сего сказал он. — Э-э-э... Джилли, я извиняюсь за тот раз.

— Ничего, все в порядке.

— Я имею в виду то, что сказал Иеремия. Виноват. Потерял голову. Может... Может быть, он и прав. Даже не знаю... Если бы... — Он поднял взгляд, и на щеках его появились красные пятна. — Мне не удалось убедить Жилищный Комитет изменить решение. Но я смог немного оттянуть исполнение.

Джилли справилась со своими чувствами, и в ней проснулась извечная женская язвительность.

— Что это ты вдруг поменял свое мнение? — спросила она.

— Э-э-э, — неуверенно начал Дэвид. — Я взглянул в записи Совета. Не исключено, что Иеремия прав. Насчет фальсифицированной информации для публики. О показателях радиоактивности и прочее...

— Что ты имеешь в виду? Что сказано о данных радиоактивности?

— Там нет никаких данных. Ничего нет. — Голос его дрожал от волнения. — Никто не снимал этих показаний больше ста лет! Как это могло случиться, Джилли?

— Просто там, Внизу, они довольны своим существованием и всегда будут довольны. Как сказал Иеремия, столько поколений прожило Внутри, что они просто боятся выходить Наружу. Им нравится все как есть.

— Не фантазируй, — сказал Дэвид серьезно. — То, что

нет никаких данных, еще не означает, что нет радиации. — Дэвид, мы подвергаемся маленькому воздействию радиации уже очень давно. С тех пор, как Фестив начал строить надземные этажи. Может, мы уже приспособились?

— Может?

— Тогда... — Она резко встала и схватила его за руку. — Значит, ты почти уверен в лживости Совета и правоте Иереми, но просто боишься выйти наружу?

— Да, — ответил он, не поднимая глаз. — Я ничего не могу с собой поделать, Джилли. Я боюсь. Я боюсь Атмосферы и знаю, что не смогу ею дышать. Дело не в радиации... Я просто ей не верю...

Д

ЖИЛЛИ притаилась за батареей горизонтальных труб охлаждения и подождала, пока пройдут рабочие. Группа из пяти человек с инструментами в руках проследовала мимо, направляясь куда-то по своим делам. Сквозь узкие просветы между трубами Джилли видела их пустые, почти бездумные лица. Легко представлялось, как эта группа сходит с ума: их глаза выдавали состояние шокового отупления, отделенного от истерии всего одним шагом. Джилли решила подождать...

Предыдущим вечером она была у Иереми, и они заговорились за полночь. Старик рассказывал ей об устройстве Нижних уровней. Все, что видел и слышал за свою долгую жизнь. Больше всего ее заинтересовало описание Ангара номер один — единственной конструкции, построенной на уровне земли, как говорили, еще в то время, когда строился сам Фестив. Это сразу всколыхнуло ее любопытство. «Почему одно здание на поверхности, когда все остальное под землей? Для чего его строили?»

Иереми никогда не был Внутри, но знал, что туда можно попасть через Нижние уровни: сверху и на уровне земли входов не было. Когда Фестив разросся, Ангар номер один оказался окруженным с трех сторон другими помещениями и в конце концов затерялся под массой города.

Но четвертая сторона Ангара была обращена к морю...

Рабочие прошли мимо и скрылись за ярко-красной дверью в конце большого помещения, захлопнув ее за собой. Джилли выбралась из укрытия и огляделась. Она находилась где-то в самой середине Нижних уровней, совсем недалеко от гидропонных плантаций. Теперь нужно было двигаться в восточном направлении от комнаты к комнате, избегая открытых коридоров, и Джилли пожалела, что не взяла с собой Дэвида.

Слева располагались громады генераторных установок. Следуя указаниям Иереми, отсюда надо было идти через механические мастерские, пока не достигнешь восточного края Фестива — каменной стены, отмечающей границу Нижних уровней. Там, как сказал старик, она найдет вход в Ангар номер один.

Джилли подошла к зеленой двери, рядом с красной, через которую ушли рабочие, и приоткрыла ее. За дверью находилось большое ярко освещенное помещение с множеством станков, прессов и других машин, на которых работали мужчины. Некоторые из них ходили между станками, наблюдали и отдавали распоряжения. Джилли обдало горячим воздухом, пахнущим маслом и металлом. Грохот стоял невыносимый.

— Я могу чем-нибудь помочь?

Джилли испуганно обернулась. Ее пыливо разглядывал высокий мужчина. Страх, всколыхнувшийся в ней, исчез: незнакомец, похоже, не представлял опасности.

— Я... Я просто смотрела, — сказала она несмело.

— Странно, что молодая женщина интересуется такими вещами, да еще и приходит сюда одна, — заметил мужчина и, подумав секунду, добавил. — Впрочем, если позволишь, я покажу тебе, что тут есть. Здесь, Внизу, тебе лучше быть с кем-нибудь. Меня зовут Эндрю Шоу.

— Джилли... Джилли Адамс. — Она пожалала протянутую руку, чувствуя себя в какой-то неестественной, комичной ситуации: последний час она пробиралась от одного укрытия к другому в страхе за свою жизнь, а первый же человек, которого она встретила, оказал ей самый радушный прием.

— Я здесь Смотрителем, а ты, похоже, шпионила за Ремонтным отделом. — Его улыбка обратила слова в шутку, и Джилли тут же решила, что он ей нравится.

Во влажном воздухе ее одежда липла к телу, и когда Эндрю Шоу взял ее за руку, Джилли пришлось сделать над собой усилие, чтобы вернуть разбегающиеся мысли в нужное русло: она пришла Вниз только с одной целью — обследовать Ангар номер один.

Следующие полчаса Шоу объяснил ей работу Отдела, водил ее от станка к станку, представляя сварщиков, токарей, сверловщиков, резальщиков — к ее разочарованию, никто из них не отреагировал на присутствие в мастерской женщины. Затем Эндрю привел ее в свой кабинет — маленькую комнатку с большими застекленными окнами, откуда просматривалось все помещение цеха. Одернув юбку, она села. Удивленно ее разглядывая, Шоу прислонился к стене.

— Ты неглупая девушка. Думаю, ты понимаешь, что я тоже не глуп, и теперь, может быть, расскажешь, зачем на самом деле сюда пришла?

Смутившись, она опустила глаза.

— Я слышала рассказы, — сказала она, — и хотела узнать, что происходит Внизу. Мне было интересно. Хотелось узнать, как вы тут живете, я имею в виду, мужчины.

— Ты рассуждаешь совершенно по-женски, — открыто рассмеялся Эндрю. — Вы никак не можете поверить, что мужчины в состоянии прожить без вас. Уверяю тебя, у нас тут все отлично. Мы целиком заняты работой, которая в основном направлена на то, кстати, чтобы вы там, Наверху, продолжали жить.

— Извини. — Она взглянула через окно на рабочих. Они действительно казались более-менее счастливыми. По крайней мере, их работа приносила ощутимую пользу, чего часто не хватало тем, кто жил Наверху. — А Бегуны?.. В твоём деле они бывают?

— Случается, — признал он. — Только я никак не могу понять, отчего это происходит.

— Может быть, жить полезной жизнью недостаточно? — предположила Джилли. — Может, им не хватает еще чего-то, но они сами не понимают чего?

— Ты имеешь в виду женское общество? — Эндрю наморщился. — Я этого не замечал.

— Нет, я тоже не об этом. Я хочу сказать... — Она запнулась. — Как ты чувствуешь себя здесь, Внизу, все время взаперти?

— Нормально, — удивленно глядя на нее, ответил Эндрю. — Я здесь родился и всегда здесь жил. Я не чувствую себя взаперти. А как ты себя чувствуешь, Джилли?

Она ответила взгляд в сторону. Внезапно ей захотелось довериться кому-нибудь, кто моложе Иереми, но кто также способен понять ее точку зрения.

— Я хочу выбраться отсюда, — проворкотала она. — Наверху, в Атмосферу. — Голос ее стал выше. — Я хочу, чтобы можно было стоять на крыше без скафандра, безо всего, и ощущать, как на меня падает дождь. Без стен и крыш... — Она чувствовала смутно и с опозданием, что теряет контроль над собой, что по ее щекам текут слезы. — Я хочу замуж за Дэвида, хочу много детей, хочу выбраться с Фестива, в какое-нибудь большое место... Континент... Хочу, чтобы можно было лежать на воздухе, спать под открытым небом, и не могу ничего этого, потому что я заперта здесь, потому что мне никак не вырваться... — Ее голос поднялся до невнятного крика, но она не могла остановиться.

Резкая боль встряхнула ее и вернула к действительности. Эндрю стоял рядом с ней: он ударил ее по лицу. В ужасе она глядела на него затаманенными от слез глазами.

— Ты спрашивала про Бегунов? — сказал он. — Вот так они и начинают. Извини, что мне пришлось это сделать, Джилли.

Он наклонился и поцеловал ее в губы.

После этого ей показались совершенно естественным попросить его показать Ангар номер один, и он без колебаний согласился. Никто не делал из этого тайны, хотя далеко не все знали о его существовании. Эндрю признался, что его заинтриговал ее интерес к Ангару, хотя она и не могла объяснить, что же надеется там найти. Для него самого это место было чем-то вроде музея.

Они взобрались по спиральной лестнице у грубой каменной стены, отмечавшей подземную границу Фестива, прошли через незапертые двери и, держась рядом, принялись осматривать древние чудеса Ангара номер один. Там с незапамятных времен хранились машины, много машин, огромных и непонятных, напоминавших Джилли тараканов, что водились Наверху, в пищеблоках, но в своем техническом совершенстве гораздо менее отталкивающих. Стоя под чудовищем на колесах с длинными изысканными лопастями наверху, Джилли решила, что оно даже красиво. О назначении машин она могла только догадываться, но было ясно, что они не относятся к обычному оборудованию

Фестива. Автономные, подвижные машины, созданные совсем не для помещения, где они сейчас хранились. Они были созданы для Атмосферы, для того, что Снаружи.

Джилли и Эндрю бродили среди машин, пытались угадать, для чего они были предназначены, и в самом конце Ангара, где высокие стальные двери отгораживали помещение от Наружной Атмосферы, нашли длинное низкое устройство.

— Это лодка, — произнесла Джилли уверенно, вспомнив рассказы Иеремии. — Для передвижения по морю.

— Зачем? — спросил Эндрю.

Джилли взглянула на него с сожалением: он просто не умел мечтать, как она. Другими словами, он не подойдет...

Через полчаса они расстались у основания лестницы к наземному уровню. Джилли протянула руку, прощаясь.

— Прощай, Эндрю.

— Прощай, Джилли. Заходи в любое время...

— Спасибо, — сказала Джилли. — Мне может понадобиться твоя помощь. Возможно, скоро, — с надеждой добавила она.

— Не исключено, что... Скоро у меня будут неприятности из-за того, что на меня нашло. Я член Стабилизационной партии, понимаешь... Должен показывать пример...

— Эндрю, тебе следует оставить партию, — весело сказала Джилли. — Ты не их поля ягоды.

Чтобы убедить Дэвида, потребовалось много времени, но Джилли не отступалась, снова и снова подчеркивая логичность теорий Иеремии, которые, похоже, подтверждались и ее собственными наблюдениями, и тем значительным фактом, что Совет перестал записывать данные радиации.

— Уверяю тебя, это безопасно, Дэвид, — твердила она. — Это то же самое, что дышать воздухом Фестива.

Огни мигнули, и комната вздрогнула от еще одного землетрясения. Толчки, сотрясавшие Фестив всю прошлую неделю, достигли невиданной ранее силы, и Джилли была как в лихорадке: она хотела убедить Дэвида и через него повлиять на Совет раньше, чем учащающиеся аварии энергоснабжения вызовут панику у населения. Или, если это не удастся, ей, очевидно, нужно будет показать пример самой...

Перемены в ее Секторе бросались в глаза. Проходя по коридорам, люди недоверчиво поглядывали на стены и вздрагивали при каждом толчке. Несколько раз, когда наступало временное затмение, происходили вспышки массовой истерии. Джилли на время перевели сестрой в Медцентр, где она работала бок о бок с квалифицированными врачами, и ее сильно тревожило увеличившееся за последнее время количество больных, чьи обращались за неотложной и психиатрической помощью.

— Но ты-то откуда знаешь, что это безопасно? — вновь спрашивал Дэвид. Он явно хотел поверить ей, но сама мысль о том, что нужно будет впустить в легкие необработанный, неочищенный воздух Наружной Атмосферы, вставала перед ним непреодолимым барьером.

Наконец терпение Джилли иссякло.

— Я докажу тебе! — выкрикнула она. — И вот что ты еще скажу: я могу найти человека, который согласится пойти со мной, если он узнает то, что знаешь о Совете ты. Ты трусишь, Дэвид. Так вот, чтобы доказать тебе, я выйду на крышу без скафандра, а ты будешь смотреть.

— Я не позволю тебе, — пробормотал он.

— Попробуй меня остановить!.. А потом, когда я пройду по крыше при всех, кого только смогу собрать, я отправлюсь Вниз, чтобы взять ту лодку, и, если ты не пойдешь со мной, я найду кого-нибудь еще! — Закончила она чуть не плача, и, с презрением взглянув на растерянного Дэвида, выбежала из комнаты.

Он догнал ее всего в двух этажах от крыши. В этом месте монолит каменной стены нарушался одним из немногих на Фестиве окон. Джилли остановилась и, вытянув шею, взглянула на штормовое небо над противоположной стеной. Внизу виднелось потолочное окно Иеремии, а за ним можно было разглядеть фигуру старика, расхаживающего по комнате. Джилли оказалась как раз у единственного на ровной крыше колодца, через который вылетали и возвращались голуби и из-за которого было столько споров. Кто-то схватил ее за руку.

— Не делай глупостей, Джилли, — Дэвид попытался придать голосу успокаивающую интонацию, но сквозь нее прорывалась беспомощная тревога.

Она попробовала высвободиться, но Дэвид держал ее крепко. Стала собираться небольшая толпа любопытных.

— На нас обращают внимание, — прошепела Джилли, вырываясь. — Отпусти меня немедленно!

— Меня не интересует, что они подумают, — громко ответил он, с вызовом оглядывая лица вокруг. — Я не позволю тебе убить себя.

Тут Джилли бросило на пол, и на мгновение она подумала, что Дэвид потерял контроль над собой. Но, упав, почувствовала, как вздрагивает под ней пол, и в этот момент поднялся крик. Кто-то упал на нее сверху, прижал к вздымающемуся полу, и, повернув голову, она обнаружила лицо Дэвида рядом со своим.

— Землетрясение! — прокричал он, хотя это и так было ясно. — Сильное!

В глазах его застыл страх. Джилли попыталась подняться, но тут еще один толчок встряхнул Фестив до самых его ходящих в океан корней, и она снова упала, обхватив голову руками, прислушиваясь к крикам, плачу и бьющемуся звуку в собственном горле, что сливались в единое голосе всей колонии, словно этим воплем люди надеялись отпугнуть чудовище — Землю, разрушающее остров.

В неожиданно наступившей затем тишине даже звук отваливающейся штукатурки и падающих с потолка камней казался громким. Пол перестал дрожать. Джилли поднялась на ноги, поискала глазами Дэвида и увидела, что тот тоже встал, потирая руками голову.

Он на нее не глядел, и Джилли почувствовала укол раздражения от того, что Дэвид не обеспокоен ее состоянием, затем заметила выражение его лица. На нем застыл обнаженный страх: Дэвид, не отрываясь, смотрел на окно, и, проследив за его взглядом, Джилли увидела, как отваливаются кусками треснувшее стекло...

Большие клубящиеся облака мгновенно заполнили коридор. Джилли заметила, как мужчины и женщины прижимают руки к горлу в судорожных попытках вздохнуть. Хриплые крики и сдавленный кашель смешались в неразборчивый шум. Сдерживая дыхание, Джилли подхватила Дэвида и бросилась прочь от окна. Вскоре зазвучал аварийный сигнал, но они уже добрались до комнаты отдыха и метнулись внутрь, захлопнув за собой дверь. Через какое-то время послышался топот одетых в скафандры людей из Спасательной Службы, бегущих к месту аварии, чтобы запечатать пролом и эвакуировать пострадавших.

— Вот тебе твои теории, — мрачно сказала Дэвид и закашлялся. Лицо его покраснело, по щекам текли слезы.

Реплика не требовала ответа, и Джилли промолчала, думая о людях, оставшихся в коридоре. Помогут ли им спасатели?..

— Мне нужно в Медцентр, Дэвид, — сказала она наконец. — Там сейчас будет много работы.

— Подожди немного. Пусть спасатели залатают окно и очистят воздух. Тогда можешь идти куда угодно, а я займусь Иеремией, пришлю бригаду строителей. Ничего этого не случилось бы, если бы ты не убедила меня оставить его в покое. Господи, нам еще повезло, что не треснула стена. Весь сектор в этой области крайне ненадежен.

Они сидели молча, не глядя друг на друга, пока не прозвучал сигнал отбоя тревоги.

Джилли постучала в дверь Иеремии и, услышав голос Дэвида, вошла. В комнате царил беспорядок, на полу валялась отбитая штукатурка. Иеремия, сгорбившись, сидел в кресле. Дэвид стоял в нерешительности: очевидно, он уже собирался уходить.

— Сколько человек умерло? — спросил он строго, взглянув при этом на старика.

Джилли ответила не сразу:

— Двое. Но...

— Двое! — повторил Дэвид. — Два человека умерли только из-за сентиментальности Комитета по отношению к этому старику, что еще можно добавить, Джилли? Короче, я сказал ему, чтобы он складывал вещи и перебирался в другое помещение на время строительства. Потом он сможет вернуться. Это единственное, что я могу сделать. Но я его не виню — только себя и Комитет.

Иеремия с трудом поднялся и надел дыхательную маску, потом взобрался к окну в потолок и впустил вернувшихся голубей. Вместе с электронными птицами в комнату ворвались несколько клубов белой Атмосферы.

— Ты только посмотри, — заметил Дэвид. — Я думаю, он все знал. Каждый день он видел, как эта гадость попадает в комнату, и никому не сообщал. Он слишком увлечен своим занятием, чтобы беспокоиться о Фестиве.

Иеремия оторвался от проверки птиц и поднял взгляд.

— Я не думал, что это имеет значение, — сказал он тихо.

— Так не всегда бывает, только когда Снаружи штормит, летом. Я полагаю, что это туман. Все знают, что генераторы там, Внизу, работают неважно, и я догадался, что давление внутри Фестива чуть ниже, чем Снаружи, кроме того, тут холоднее. Я думал, что это конденсируются водяные испарения. — Он с мольбой взглянул на Джилли и пробормотал. — Как пар над котелком.

— Чушь! — отрезал Дэвид. — Ты просто придумываешь себе оправдания. Это ничего тебе не даст.

— Дэвид!.. — Начала было Джилли.

— И ты тоже! Ты веришь, во что хочешь, как все женщины. Ты игнорируешь факты... Двое умерли, не забывай. Я сам мог умереть... Ведь я едва дышал. Я убедился на собственном опыте. И очевидно, мне тоже следует обратиться к врачу: один бог только знает, сколько яда я принял в легкие.

— Можешь не беспокоиться, Дэвид.

— Что?

— В твоих легких нет яда. Я только что из Медцентра. Те двое умерли не от отравления: у них было слабое сердце. Все остальные совершенно здоровы.

— О чем ты говоришь? — покраснев, зло спросил Дэвид. — Ты хочешь сказать, что мне померещилась эта белая отравка? Я же тебе говорю, что едва дышал. Я чуть не задохнулся, ты сама видела.

— Видела... Но ты задыхался вовсе не потому, что Атмосфера отравлена: когда ты заметил, что окно разбилось, у тебя рефлекторно сжалось горло. То же случилось и с остальными. Массовый психоз. Ты настолько привык считать Атмосферу ядовитой, что твой мозг принимает это за истину и не позволяет тебе дышать.

— Тогда что там было такое белое? Мы оба видели это.

Джилли улыбнулась.

— Пар, как и сказал Иеремия...

— Нет уж, я предпочитаю верить свои глазам. Я видел, как люди умирали, вдыхая эту дрянь. Сколько раз говорить, что никто не может жить Снаружи?

Иеремия поднял взгляд, глаза его светились радостью.

— Кое-кто может, — сказал он. — Посмотри!

Брови Дэвида невольно поднялись, когда он перевел взгляд с трепыхающегося существа в руке Иеремии на ряд неподвижных выключенных птиц, сидящих на трубчатой перекладине.

— Конечно, у меня не очень точные копии, — заметил Иеремия, — но достаточно точные, чтобы обмануть этого птенца.

Воркующая птица с интересом разглядывала людей живыми яркими глазами.

— Не знаю... — пробормотал Дэвид. — Ей-богу, просто не знаю. Может, вы правы. Я не знаю...

Джилли поглядела на него раздраженно и беспомощно.

— Но какие еще доказательства тебе нужны? Ты же сам видишь. Это как раз то, чего мы ждали. Такое доказательство можно предложить членам Совета, а если они не станут слушать, если они хотя бы сделают попытку скрыть новость, мы пересернем Фестив с ног на голову, расскажем людям правду. Мы можем жить так, как должны: на воздухе, без боязни радиации или какого-нибудь загрязнения. Ведь если в Атмосфере могут жить птицы, то и мы сможем. Ты только представь себе, Дэвид! Мы сможем уехать отсюда, может быть, завтра. Люди увидят нас и пойдут за нами. Нельзя отнять у людей шанс на нормальную жизнь.

Дэвид в нерешительности разглядывал птицу.

— А вдруг они не смогут заставить себя дышать Атмосферой даже после того, как мы им покажем птицу? Мы слишком долго прожили на Фестиве, Джилли...

Иеремия, теряя терпение, следил за разговором. Взгляд его пробежал по маленькой комнате, задерживаясь на каменных стенах, жалком окошке над головой, кучах мусора на полу, потрескавшемся потолке, старой мебели. Он слышал шипение воздуха в трубах, приглушенные шаги и разговоры в коридоре. Принюхиваясь, он по-новому воспринимал запахи Фестива, хотя за долгую жизнь его нос, казалось, должен был к ним привыкнуть. И внезапно Иеремия понял, что все это, все эти впечатления, накопленные в течение жизни, стоят так мало...

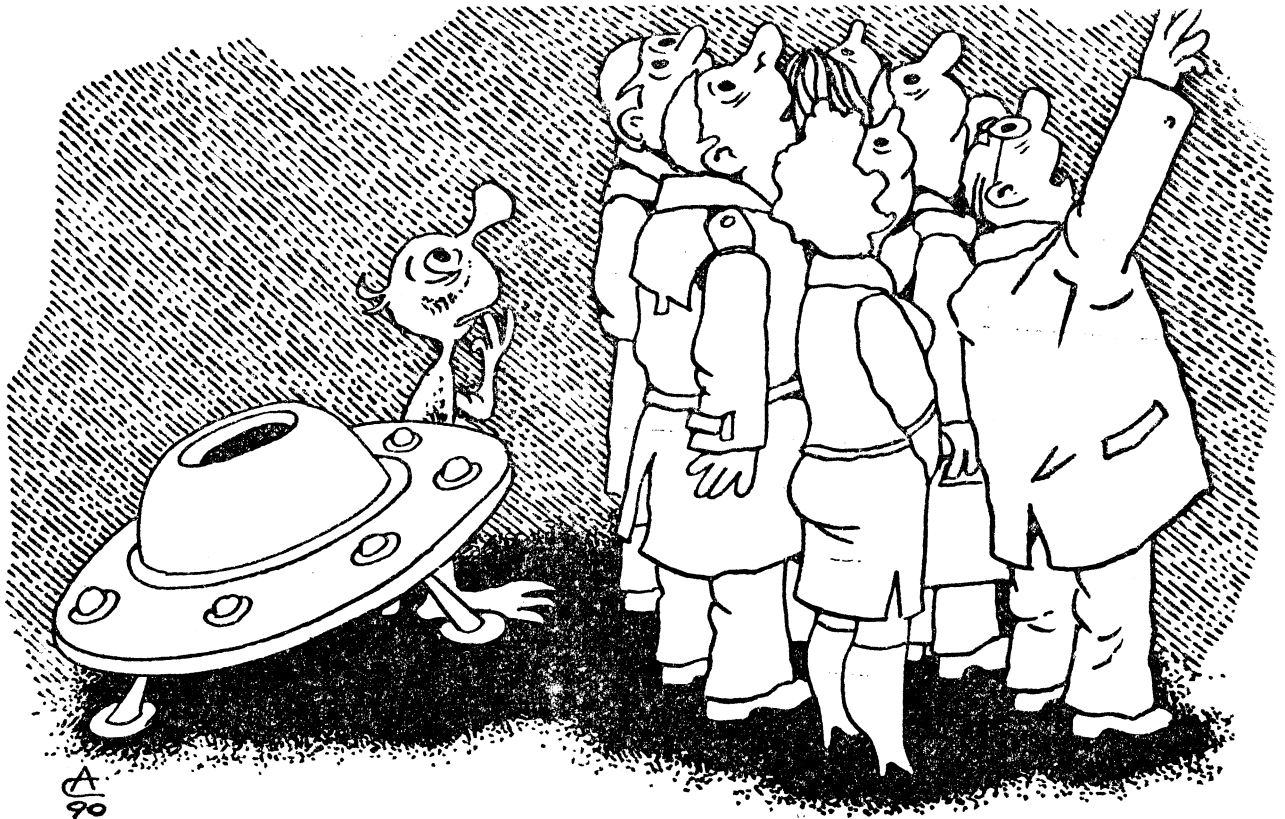
Он отпустил голубя. Тот выпорхнул из его рук, перелетел через комнату, уселся на жердочку и с любопытством посмотрел на своих неподвижных гостей.

Двигаясь с неожиданной быстротой, Иеремия схватил старый алюминиевый стул и швырнул в окно на потолок.

— Ну, Дэвид! — закричал он, стоя под осколками стекла в сочащемся сверху белом тумане. — Дыши, черт тебе поберит! Дыши!

И Дэвид задышал.

Пер. А. Корженевского

Джон Куппэкс

НА ВЫСОТЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Художник Т. Злоказова.

ЭДВИН! — воскликнул мистер Джеймс. — Будет осторожен!
Он стоял возле ствола огромного дерева, напоминающего пальму, но в то же время разительно отличающегося от нее. Стоял и наблюдал за тем, как мальчик стремительно взобрался на верхушку и принялся ловко срезать крупные желто-зеленые плоды, гроздьи которых прятались в голубоватой листве.

В двадцати ярдах от дерева начинался сиреневый песчаный спуск к берегу лагуны. Светло-зеленые морские волны выплескивали на сушу миллионы искрящихся капель. На поверхности океана резвились, подпрыгивая, белые барашка бурунов и, ударяясь о берег, эхом рассказывали о своей игре. Что это за дерево, что за плоды, что за океан — было неизвестно. Известно лишь название планеты...

Мистера Джеймса слегка смущало, что мальчик выглядит таким счастливым, должно быть, не понимая, в каком положении они все оказались. Он прикрыл ладонью глаза, в который раз вглядываясь в сине-зеленую высь неба: белое светило окатывало поверхность планеты жгучими лучами, более жесткими, чем солнечные. «Неужели мы больше не увидим Солнце?» — подумал мистер Джеймс.

Хлоп-хлоп — падали к его ногам плоды.

— Будь внимателен! — предостерегающе крикнул мистер Джеймс, видя, что мальчик начал спускаться.

— Разве это высота! — ответил Эдвин, улыбаясь. — Да и манголины, ведь они нравятся вам? И тем, у подножия холма.

Мистер Джеймс осторожно улыбнулся: Эдвин придумывал названия всему, что видел. Не всегда удачно, но в данном случае, «манголины» — звучит неплохо, как и «те, у подножия холма». Для Эдвина, где бы они ни находились, четверо женщин всегда оставались «теми, у подножия холма».

— Да, конечно, нам всем нравятся манголины, — ответил Нельсон Джеймс, поправляя очки с толстыми стеклами, чудом не разбившиеся во время ужасного крушения. — Но не забывай, Эдвин, что у нас совсем нет медикаментов.

Несмотря на сдержанность характера, мистер Джеймс с восторгом следил за точными, аккуратными движениями мальчика. Сила тяжести на Фойоре почти в полтора раза превышала земную. Когда Эдвин спустился, они собрали манголины в кучу и, расположившись в тени дерева, принялись очищать плоды от кожуры.

— Эдвин, скажи мне, сколько тебе лет? — спросил мистер Джеймс.

— Четырнадцать с половиной, — ответил мальчик и замер, темнотный и серьезный, уставившись на волокнистый покров манголина. — Интересно, сколько будет, когда нас найдут?

— Не знаю, — сказал Нельсон Джеймс и тяжело вздохнул. — Во-первых, катастрофа произошла во время гиперпространственного скачка, во-вторых, таких планет, как эта, — множество... Красивое место, но...

— Да-а, и все-таки нам повезло...

— Еще бы! Ведь это могла быть планета, закованная льдом. Что же до нашего спасения... — он задумался. — Исчезновение «Адаира» подтвердится через месяц, еще три уйдут на то, чтобы проинформировать все населенные пла-

неты и планетарные системы, а уж потом — кто знает, сколько продлится это «потом», — начнутся розыскные полеты...

— Я хотел сказать, что благодаря вам у нас есть шанс, — Эдвин кивнул на абрис самодельного радиомаяка на краю утеса. — Я изучал электротехнику всего четыре семестра, а те, у подножия холма, они лишь стюардессы...

— Я сделал, что мог, Эдвин, — сказал мистер Джеймс, представив «тех, у подножия холма», но тут же отогнал наваждение: Ванесса, будь она рядом, не одобрила бы его мысли. — Не забывай, что возможности радиомаяка очень ограничены: используя энергию солнечных батарей, он способен передавать сигнал на расстояние всего лишь десяти световых лет. К тому же, в отличие от антенны, которая постоянно прощупывает космическое пространство, радиомаяк имеет смысл включать лишь в том случае, если наши приборы зафиксируют где-то неподалеку космический корабль. Но маяк — это все, что я мог сделать. Познания мои в электротехнике далеко не блестящи.

— Мне кажется, они выше всяких похвал!

— Спасибо, — ответил Нельсон Джеймс, раздумывая, как бы провести с мальчиком беседу о взаимоотношениях дженгльмена и леди. Весьма щекотливая тема в их ситуации. Вздохнул, решив отложить разговор, повернулся к очертаниям маяка. — Кто дежурит?

— Там Илена, — ответил мальчик.

— Ты обращаешься к ней по имени? — удивился мистер Джеймс.

Эдвин кивнул.

— А я исключительно «Мисс Лундквист».

— Мне кажется, она очень красивая женщина...

Мистер Джеймс был полностью согласен с мальчиком, но вслух, сдерживая эмоции, произнес:

— Да, Эдвин, наша группа подобралась на редкость удачно.

— А сколько лет вам, мистер Джеймс? — брови мальчика приподнялись. — Вы спросили меня, я — вас.

— Но это не одно и то же.

— Почему? Я знаю возраст всех, кроме вас. Илене — 22 года, Марине — 23, Тане — 25, а Ильзе — 29.

Нельсон Джеймс прикусил губу, получив столь «секретную» информацию. Каждому имени сопутствовало вспыхивающее в мозгу изображение: Илена — хрупкая, стройная, темнокожая; Марине — черные, как смоль, волосы, величественная осанка; Таня — каштановые локоны, огромные карие глаза, томный голос, приятная округлость линий; и, конечно же, Ильза — женщина Викингов! — высокая, с великомерно развитой мускулатурой, ослепительная блондинка с бездонными темно-синими глазами. Богиня, но не каменное изваяние, а теплокровное существо с нежным сердцем... Нельсон Джеймс не сомневался, что у нее горячее нежное сердце... Нет! Прочь крамольные мысли! Ванесса — разве эти девицы достойны ее?

— Так сколько вам лет, мистер Джеймс?

— Уох... сорок четыре, Эдвин.

В ответ мальчик издал звук, полный испуга и недоверия. Мистер Джеймс потупился: разве можно обижаться на столь юное существо? Надо признать, Эдвин неплохой компаньон, особенно здесь, наверху, в «мужской обители»... На склоне

горы, вскоре после катастрофы, они обнаружили три пещеры, в двух поселились женщины, предложив мужчинам занять третью. Нельсон Джеймс отказался — вежливо, но настойчиво. Приличия требовали, чтобы они с мальчиком обосновались подальше... В их случае повыше. Порядочность плюс память о миссис Джеймс, Ванессе, которую он потерял во время аварии.

Мистер Джеймс поднялся и, понунив голову, полпелся к пещере. Усевшись на кровати из древесных стволов, покрытых матрасом и простыней, он достал из бумажника фотографию. Неужели Ванесса потеряна для него навсегда? Как же так? Ведь он делал все, зависящее от него, чтобы жена была довольна им, и вот... Но постепенно его мысли обратились к «тем, у подножия холма». Интересно, что о нем думают эти женщины? Чем вызваны их сдвинутые смехи, легкие, как бы нечаянные толчки локтями? Он считал себя обязанным выполнять всю тяжелую работу, а в отношениях с женщинами проявлять сдержанность и дружелюбие.

От входа в пещеру до него донеслось сопение и заставило приподняться на локте: Эдвин, стоя на цыпочках, напряженно вглядывался вниз, в сторону лагуны. Нельсон Джеймс осторожно поднялся с кровати и подошел к нему. То, что открылось его взору, завороживало... Две девушки — леди, — позабыв на берегу купальники, плескались в пенящихся водах. Таня и Марина... Илена на маяке... А где еще одна леди? Где Ильза?

И тут он увидел ее, приближающуюся к воде — бронза и золото — от одной из пещер... Она остановилась в шаге от берега, подняла руки и замерла в позе древнегреческой богини, через миг, отбросив со лба волосы, вошла в воду, поплыла, рассекая волны. Он мысленно следовал за ней, плыл рядом, подныривал, любуясь красотой плывущей леди сквозь прозрачную плену воды... И очень удивился, очнувшись, поняв, где он и что он, положил руку мальчику на плечо — Эдвин так и подпрыгнул.

— Пойдем... — выдохнул Нельсон Джеймс, — они... мы не должны вмешиваться... нарушать их... уединения...

— Вы думаете, они могут догадаться? — спросил Эдвин и поднял на него темные глаза индейца — как выстрелил.

— Дело не в этом... Ну, ты понимаешь, Эдвин, мы должны следовать правилам хорошего тона, принятым в цивилизованном мире... Ты понимаешь?

Эдвин растерянно пожал плечами и пошел внутрь пещеры. Нельсон Джеймс вновь достал фотографию Ванессы: она всегда вела себя достойно и хорошо относилась к нему. И он, в ответ, следуя правилам хорошего тона, всегда поступал как, ей хотелось.

«...Нельсон, меня знобит...» — Ванесса мерзла, что было просто неспостижимо! Кондиционеры на «Адаире» отлично справлялись с работой. Он посмотрел на жену сквозь стекла очков, заложил «Древние цивилизации Марса» обрывком бумаги и встал: «Тебя укрыть, дорогая?». Она кивнула, и он пошел за пледом, пробираясь сквозь толпу пассажиров, вдыхающих удивительные ароматы «Зеленого Сада». Ванесса была на семь лет старше мужа, и ее не беспокоила разница в возрасте. Она наслаждалась комфортом и властью над людьми, которую давали ее деньги. Именно благодаря финансовой поддержке супруги, Нельсон Джеймс мог продолжить свои исследования по изучению иноцивилизаций... Он принес плед, осторожно укутал им полные плечи жены: «Надеюсь, дорогая, так будет лучше». Она не ответила, и он опять засел за книгу. Он нужен ей! Нужен! Весь экипаж ходит перед Ванессой на задних лапках! Почти весь — Ильзу Расмуссен, старшую стюардессу, Ванессе оседлать так и не удалось, и она неизменно вызывала у миссис Джеймс чувство ненависти.

И

НыХ такая жизнь толкает на преступление. Но Нельсон, еще со школьной скамьи впитавший в себя мораль и законы своего круга, привык неукоснительно исполнять все взятые на себя обязательства — в том числе откровенно неприятные. Вместе с Ванессой они проводили время дома, путешествовали, отдыхали, занимались спортом.

«...Отвратительно!..» — это было ее любимое слово. Ванесса рассматривала девушку, загоревшую до темно-коричневого оттенка под искусственными лучами Сады.

Всего три крохотных треугольника оранжевой материи прикрывали тело Ильзы: она прошла мимо, вызывая покаянную бедрами... «Отвратительно!» — повторила Ванесса Джеймс, засовывая в рот конфету. «Нельсон, — сказала она, — я следила за тобой и видела, как ты смотрел на эту женщину, Расмуссен, когда я отчитывала ее за плохо прибранную каюту». «Дорогая, — тихо ответил он, — ты напрас-

но расстраиваешься...». «Не удивлюсь, если окажется, — ворчливо продолжала она, не слушая мужа, — что эта женщина командует всем экипажем, начиная с капитана, а заодно и спит с ним, — вспомнив старичка-капитана, она на минутку задумалась. — Хорошо, пусть не с капитаном, пусть со всеми остальными, начиная с первого помощника. Все они, эти стюардессы... Обязательно переговорю с Координатором, как только вернусь домой. Как ответственный за данную пассажирскую линию, он должен отвечать за поведение этих финтифлюшек...» — ее передернуло. Нельсон Джеймс научился слушать жену в пол-уха, зная, в какой момент необходимо, для ее спокойствия, поддакнуть. «Нельсон...» — звала его Ванесса. «Нельсон» — и он должен был спешить к ней.

Мистер Джеймс лежал на жесткой кровати в темноте пещеры и кто-то нежноголось осторожно гладил его... Он резко сел и увидел, что Ильза Расмуссен принесла обед.

— Добрый день, мисс Расмуссен... Рад вас видеть, но обед должен принести Эдвин...

— Я с большим удовольствием сделаю это сама, — сказала Ильза и улыбнулась, обнажив ровный ряд зубов...

Все-таки, как к лицу ей загар, подумал Нельсон Джеймс. Как он ровно лег на эти красивые руки и плавно обрисованные бедра... Вот только стоило ли так решительно расстегивать рубашку? Ванесса сказала бы...

Каждая из четырех женщин молода и красива, но Ильза — исключительна. Великолепное создание! Никто не оспаривал лидирующего положения Ильзы: она сильная — никогда не отказывалась от тяжелой работы; она — приветливая, веселая, она... Просто замечательная! Он вспомнил яркую, быстро промелькнувшую сцену в море, в ней Ильза играла главную роль... Он никогда не верил, что она и капитан могли... Что же касается помощника капитана... А если это и было — разве помеха? Тем более в сложившейся ситуации. Кстати, как Ильза называла его, когда будила?

— Мальчик помогает Илене, — пояснила девушка, опускаясь на пол. — Эдвин быстро взрослеет, скоро станет настоящим мужчиной.

Нельсон принялся за еду.

— Должен сообщить вам, что этот настоящий мужчина совсем как мальчик наблюдал за вашим утренним купанием... Я, конечно, когда увидел это, сразу ушел его...

— О-о? — как касается помощника капитана?

— Как видите... создаются некоторые непредвиденные трудности, и чтобы сохранить ваше уединение, мисс Расмуссен...

— Уединение? Надеюсь, мы не выглядели ОТВРАТИТЕЛЬНО?

— Нет-нет! — настоужился мистер Джеймс, ведь она произнесла то самое слово. Неужели она смеется над ним?

— Мистер Джеймс, Нельсон... ты знаешь не хуже нас, сколько мы находимся здесь.

— Четыре земных месяца, мисс Расмуссен.

— И ты до сих пор так официален.

Да, подумал он, мы все еще пассажир и стюардесса.

— Меня зовут Ильза, — она запрокинула голову, искорки побегали по золоту ее волос.

— Да, я знаю.

— В таком случае, Нельсон, называй меня по имени.

Он несколько раз произнес ее имя про себя, прежде чем сказал вслух: «Ильза», в ответ она улыбнулась, осторожно коснувшись пальцами его руки.

— Ты придешь вечером к нам в гости?

— Перекинуть я в карты? Обязательно.

— Конечно, после ужина можно поиграть в карты, но мы хотели поговорить с тобой... и кое-что показать...

— Мне? — Нельсону послышалось, что в ответ она как-то непонятно вздохнула.

— Да, это очень важно. Мы ждем тебя перед закатом.

— Хорошо, мисс... Хорошо, Ильза.

— Тогда до свидания, — легкий румянец заиграл на ее щеках, она поднялась и неторопливо направилась к выходу. Амазонка, Пентесилия! Ожившая богиня, спустившаяся на землю...

Ужин был великолепен. Нельсон Джеймс долго рассыпался в благодарностях. Кусок белой простыни, расстеленный на выступе скалы, смотрелся не хуже скатерти. Мистер Джеймс сидел за импровизированным столом, стараясь вести себя как можно проще и называя леди по именам. В отблесках костра они казались еще более привлекательными, чем в воде. Илена вплела в волосы желтый цветок, который подчеркивал стройность ее тела; Марина черновласая, вплела красный; (Таня дежурила у радиомаяка); Ильза с белым цветком выглядела несколько загадочно, как бронзовая статуэтка, но все равно очаровательно. Не удивительно, что Ванесса... Нельсон Джеймс посмотрел на часы:

— Не смею дольше беспокоить вас. К тому же Эдвин остался в нашей пещере...

— Он взрослый, разумный мальчик, — сказала Илена.
 — С ним ничего не случится, — промурлыкала Марина.
 — Да, — согласился Нельсон Джеймс. — Самой крупное млекопитающее на острове не больше кролика... — слова повисли в воздухе, не рассеяв странной неопределенности: весь вечер леди таинственно переглядывались между собой, но ему следует оставаться джентльменом.
 — Нельсон, — тихо произнесла Ильза, — уже четыре месяца, как мы на острове...
 — И ни единого намека на спасение, — подхватила Марина.
 — Ситуация может внезапно измениться, — возразил Нельсон. — Я сделал все возможное, но, учитывая наше положение...
 — Учитывая, что оно не может не меняться, — поправила его Илена.
 — Корабли поиска... — но Нельсону не дали договорить.
 — Тем не менее, мы счастливы, — пропела Илена.
 — Но время тянется так медленно, — прошептала Марина.
 — Мы можем делать всю тяжелую работу, — добавила Илена.
 — И охотиться на черепах, — предложила Ильза.
 Почему они смотрят на него так внимательно и напряженно? Пригласили для разговора, а сами загадывают загадки.
 — Один человек не может справиться с многочисленными обязанностями, — уточнила Марина.
 — Учитывая запросы каждой и собственные возможности, — пояснила Илена.
 Только ли разыгралось воображение, или действительно глаза женщин широко раскрыты и блестят сильнее, чем огни костра? Нельсон Джеймс, долгие годы изолированный от жизни стараниями Ванессы, находился в растерянности.
 — И... это все?
 — Нет, — настойчиво произнесла Ильза. — Давайте покажем ему.
 Он внимательно наблюдал, как они поднялись, ожидая его.
 — Нельсон, — позвала Ильза.

О

Н встал. Теплая красивая ночь, яркий светло-коричневый диск луны, плеск моря, темно-фиолетовые силуэты деревьев. Они подошли к третьей нижней пещере.
 — Сюда, — тихо сказала Ильза.
 Земля перед входом была утрамбована, а сам вход украшен экзотическими цветами. Сердце Нельсона Джеймса забилось от напряжения.

Они пропустили его вперед. Пещера была тщательно убрана цветами. Тусклый свет лампы играл тенями на песчаном полу, а в центре пещеры возвышалось квадратное ложе, застеленное простыней.

Нельсон Джеймс оглянулся на девушек: под низкими сводами пещеры, украшенной разноцветными гирляндами, он отчетливо слышал их учащенное дыхание. Как по команде, они продвинулись к нему на шаг, и он почувствовал аромат чистых, обласканных неистовым солнцем тел.

— Тебе понятно? — промурлыкала Илена.
 — Выглядит очень привлекательно, — ужаснулся мистер Джеймс. Он смотрел на трех прекрасных девушек, и его трясло, как в лихорадке.

— Мы не хотим, чтобы ты и далее жил наверху.
 — Боже праведный! — прохрипел Нельсон Джеймс. Он никак не мог подобрать нужные слова. Пока они появились, прошла, наверное, целая минута. — Иаа... Эээ... всегда вел себя, старался вести себя как настоящий джентльмен, вы знаете.

Они переглянулись, убедившись: он все понял.
 — О! — произнесла Ильза. — Ты решил перебраться вниз?

— Конечно! — радостно выкрикнула Марина. — Он понял!
 — Нет, э, да, сейчас, послушайте, — Нельсон вдруг осознал, что его заманили в ловушку. Чертовски трудно объяснить женщинам неизбежную, присущую только ему, английскую точку зрения. — Когда мы попали сюда, я взял часть работы и ответственно выполнял эту часть... Я имею в виду, что джентльмен должен следовать определенным правилам, выполнять обязательства..

— Да, — отозвалась Илена.
 — То, что ты выполнял до сих пор, — продолжила Марина, — было недостаточно.
 — Обязательства, — сказала Ильза, — старое английское слово, включающее в себя и заботу о..

Забудь о трех женщинах, подумал Нельсон Джеймс, нет, в божу, о четырех! Ведь есть еще аня, дежурящая у пульта..

— Я оставила вместо себя Эдвина, — сказала она, входя.
 — Да! Эдвин! — Мистер Джеймс уцепился за имя мальчика, как за спасительную соломинку. — Вы же знаете, он еще..

— Эдвин отлично справится, — заверила Ильза.
 — И со всем остальным, — добавила Илена.
 — Если мы сговоримся, — пояснила Таня.
 И тут в мозгу раздался крик — голос памяти: «Нельсон! — это кричала Ванесса. — Нельсон! Что ты делаешь? Одумайся!»

— Позвольте мне выйти! — пролепетал он. — Здесь невозможно обдумать ваше предложение.

— Конечно, — согласилась Ильза. — Мы только хотели показать.

— Вы приняли окончательное решение? — спросил он, выбравшись на свежий воздух, но не из-под Дамоклова меча.

— Да, — хором ответили они. Последовала пауза. Лунный свет, шорох волн вновь наполнились ароматом их тел.

— Не забывай, что мы — леди — прошептала Ильза, — и не собираемся втягивать тебя в действия, которые ты, как джентльмен, не согласишься выполнять.

— Спасибо, — кисло ответил он, пытаясь проанализировать их слова, но почему-то не смог.

— Со своей стороны, — сказала Марина, — мы не желаем, чтобы и нас провоцировали на действия, недостойные леди. Как спокойно ему жилось возле Ванессы! И как смотрелась Ильза, легко и грациозно входя в воду..

— Время! — выкрикнул Нельсон Джеймс, натужно, на вдохе. — Мне нужно время обдумать все как следует!

— Он считает нас уродинами! — запальчиво произнесла Марина.

— О, нет!! Совсем нет! Но.. — мистер Джеймс скорчился, как Лаокоон в объятиях чудовищных змей. — Есть вещи, взгляды, которые трудно переосмыслить... Пожалуйста, леди, разрешите мне удалиться.

— Дадим ему час на размышления, — сказала Илена.
— Он должен принять правильное решение, — проговорила Тана.

— И, конечно же, примет его, — улыбнулась Ильза, прикоснувшись мягкой ладонью к его руке.

Нельсон вернулся в пещеру, тяжело дыша. Сердце стучало, но не от быстрой ходьбы — он был крепким мужчиной. Его поразило их единодушие. Видимо, они давно наблюдают за ним и поняли, что его не молодой уже возраст не является преградой... Он зажег лампу и вновь обратился к фотографии Ванессы. Как-то незаметно ее образ вытеснила другая картина: Ильза, входящая в море, ее прелестное тело. Попутно, как голос из детства, вспомнились слова матери: «Нельсон, не допуская, чтобы о тебе могли сказать, что ты не на высоте положения...»

Что ж, он всегда выполнял этот наказ: и в школе, и в университет, и во время совместной жизни с Ванессой...

Мистер Джеймс поднялся и пошел проведать Эдвина. Хотя... Ну не станешь же обсуждать свои проблемы с ребенком? Нельсон Джеймс легко пробирался сквозь густые заросли — ему помогал свет звезд. Антенны тянулись к небу, как руки, протянутые к спасению, к надежде. Он вошел внутрь грубо сколоченного сооружения.

— Эдвин! — ответа не последовало — на маяке было пусто.

Он уставился на экран радара, который выхватывал из пространства миллионы и миллионы миль, подался вперед и застыл: зеленая светящаяся точка медленно ползла по экрану. Совсем рядом, на расстоянии одного светового года, если ориентироваться по масштабной сетке. Точка-корабль то увеличивался, то расплывался и исчезал, потом вновь появлялся на экране. Корабль после долгих месяцев! И этот преступно беспечный мальчишка мог его упустить! Но одновременно с появлением зеленой точки в душе зашевелились весьма противоречивые чувства, и Нельсон Джеймс с удивлением понял, что они прелятствуют принять единственно возможное, единственно разумное решение. Он сидел перед панелью управления, в наушниках, а с экрана к нему плыла Ильза, такая же, как утром во время купания, — ближе, ближе, ближе... Они не сказали, кто будет первой, но он не сомневался, что... Первой будет...

— О черт! — гаркнул Нельсон Джеймс. — Чертoberи!
Он нажал кнопку, не сомневаясь, что экран высветит луч маяка, но ничего не произошло. Он нажимал и нажимал, но сигнала, как ответа на его действия, так и не последовало. Корабль неумолимо приближался к краю экрана, уходя из поля видимости радара. Нельсон Джеймс включил аварийное освещение, чтобы проверить кабель, подведенный к па-

нели, и оторопел... Мозг отказывался принимать увиденное: кабель был отсоединен...

Полностью парализованный, сидел мистер Джеймс, вперившись в экран, наблюдал, как зеленая капля всплывает и растворяется в бездне. Нельсон Джеймс зарычал — исчезновение корабля означало, что он нырнул в гиперпространство. Саботаж! Саботаж! Саботаж! Это могла сделать только Тана! Она увидела приближающийся корабль и... Нет! Корабль появился несколько минут назад, значит, остается Эдвин — он преступник! Но инструкции, несомненно, он получил от Ильзы! Нельсон Джеймс даже не заметил, как он выбрался из пещеры-рубки и оказался в темноте.

— Мистер Джеймс! — позвал детский голос.
— Эдвин! Что все это значит! Экран зафиксировал появление корабля, но маяк не сработал! — Он схватил мальчика за плечи, попытался встряхнуть, но Эдвин оказался крепче и сильнее, чем в тот день, когда они оказались на планете.

— Я был возле пещеры и все слышал, — в глазах мальчика заплескали бешеные огоньки. — Сегодня вечером корабль не должен появиться! В любой другой вечер, кроме сегодняшнего. А корабли еще будут. Дюжины кораблей. Прежде всего, мы должны быть на высоте положения... Мать часто повторяла мне эти слова.

Голос из детства вновь долетел до Нельсона Джеймса. Голос, который был в два раза старше Нельсона, в четыре — Эдвина и во много раз той морали, которой придерживался мистер Джеймс всю свою жизнь...

— Она... действительно так говорила?
— Да, мистер Джеймс.

Мелодичная песенка зазвучала в сердце мужчины. Он прислушался к ней, потом спросил:

— Но, Эдвин, я не уверен, что понимаю, зачем ты испортил маяк?..

— Мне хотелось сделать приятное хорошим людям: и им, и вам. Возможно, мы пробудем здесь очень долго, мистер Джеймс, а я мужчина. Вполне мужчина, несмотря ни на что.

Нельсон Джеймс находился на середине песчаного спуска: песня его сердца звучала все громче и отчетливее, и он полностью оценил смысл слов мальчика. Что ж, все оказывается совсем не столь трудным, как он предполагал. Он ожидал, что почувствует раздражение, но нет, собственные мысли не шокировали его. Они похожи, Эдвин и Нельсон, похожи, несмотря на разницу в возрасте. И приложат все силы, чтобы оказаться на высоте положения, они постараются сделать все наилучшим образом.

Невдалеке показались огни.
Нельсон прибавил шаг.

Пер. В. РОМАНОВА.

Максим БАСЕНКО

ОБЫКНОВЕННЫЙ НОМОСАРИЕНС

— Кто сказал, что человек разумен?..
— Сам человек...

— ЗДРАВСТВУЙ, Собрат по ра...
«Старею, — подумал Пип, снимая палец с кнопки лейчера. На том месте, где только что стояла миловидная фея, зияла яма с грудой обгорелых ошметков. — Не заметил сразу. Еще бы немного и...»

«И» в данном контексте могло означать только одно. Пип прекрасно знал об этом. Подобные «феи» уже попадались ему на Сверге. Чуть зазеваешься, подпустишь ближе — всю кровь высосут. Да, впрочем, «феи» — это пустяки. Вот на Валехе заходишь, к примеру, в дом, а оказываешься в желудке. Словом, зашел ты туда не просто так, а на званный обед, правда, в качестве кушанья. Тут и двойной скафандр не спасет. Да и эта планетка тоже хороша: в облаках буквы какие-то светящиеся, феи всякие. Только ведьмы на метле не хватало...

— Произошла досадная ошибка! Мы ваши братья...
От обнаженной ведьмочки, сидевшей на помеле, остался один пепел, серыми хлопьями оседающий на земле.

— Мы Вас не пони...
— Чертовщина какая-то, — Пип с беспокойством посмотрел на индикатор заряда лейчера, — еще и гномиики... Балует местная флора... Да не инопланетяне же в самом деле... Нет никаких инопланетян! Всю Галактику обшарили — нет. И быть не может! Неоткуда им взяться треди такой флоры!

— Это наглость с вашей стороны — не принимать нас...
Мохнатый зубастый зверь сгорел, как бенгальский огонь.

«Вот уже что-то похожее на правду, — с удовлетворением отметил Пип. — Вот оно, настоящее лицо...»

— Сам виноват!..
Почва содрогнулась и стала сгибаться, образуя огромную складку.

«Взлететь не успею!» — понял Пип.
— Я же говорил тебе, что он неразумный, — посредине поляны стояли два восьмилетних мальчика. Один из них зажимал что-то в своем купачке и задумчиво теревил шортики.

— Ну я думал...
— Бесполезно. Перед нами так называемый «человек разумный», Номосариенс. Этот вид инопланетной флоры характеризуется тем, что никогда и ни с кем не вступает в контакт.

— А может, все-таки?.. — с надеждой спросил тот, кто сжимал кулак, — может... ошибка...

— Какая ошибка? — назидательно сказал его товарищ. — Сам подумай: какой разумный назовет себя сапиенсом? А им хоть бы что. Выбрось эту гадость...

«Жалко!» — подумал Пип. Он сидел в рубке своего звездолета. Планета исчезла где-то в пространстве. — Проклятая флора! Жалко, не захватил с собой парочку-другую кварк-бомб! Ничего, в следующий раз...»

ЗАКЛЯТИЕ

Он очнулся в лесу - без имени, памяти, прошлого.

РИС. С. АШМАРИНА НА ТЕМУ Ч. ВУДА

- Кто я? Где я?
Случилось что-то
страшное...

- Куда идти?

- Вода...
пить...

- Это... я?!

- Голос?

На поляне
стоял дом.

-Я ждала
тебя...

-Я Зара.
Ты знаешь
меня?

-Нет... Я...

-Это чары...
Ты заколдован,
как и я...

-Я знаю, кто ты,
но сначала -
поешь.

-Кто-то украл
мою личность,
мою память!

- Это волшебный меч - он поможет снять чары!

- Ты кто? Тоже волшебница?

- Я кое-чему научилась у мамы. Только этим мечом можно убить колдунью.

- Я буду тебя звать - Зорг... Помоги мне.

- Но что должен я делать?

- Ты не должен бояться призраков на пути: это только видения. Но если ты в них поверишь, я не смогу помочь тебе!

- Я с тобой!

- Мы подходим к владениям колдуньи Арахны. Этот страж - призрак.

ОНИ ПРОШЛИ ВСЁ
УЩЕЛЬЕ, КОГДА...

- Нет!
ЭТО ТОЖЕ
ПРИЗРАК!

- БЕЖИМ!

- ЖИВЫЕ
МЕРТВЕЦЫ?!

- Стой!!
Там зомби!

- Теперь - да!
И могут нас
УБИТЬ!

- К БОЛЬШОМУ
КАМНЮ!

- Я БОЮСЬ!

И Зорг, войдя в пазы...

...УВИДЕЛ ОГРОМНОГО ПАУКА.

-АРАХНА?!

И ТУТ ВСЁ
ИЗМЕНИЛОСЬ.

СО ВСЕХ СТОРОН ЗОРГА
ОБСТУПИЛИ ЧУДОВИЩА.

-Здравствуй,
мама!

ОНИ ТЕРЗАЛИ ЗОРГА, И ОН ИЗНЕМОГАЛ
УЖЕ В БОРЬБЕ, КОГДА НАКОНЕЦ, ...

...ПОЯВИЛАСЬ ЗАРА, И ПРИЗРАКИ
ИСЧЕЛИ. НАСТУПИЛА ТИШИНА.

ПЕРЕД НИМИ БЫЛ УЖЕ
НЕ ПАУК - БЫЛА ОЧЕНЬ
СТАРАЯ ЖЕНЩИНА.

-Зара!!

-Здравствуй, Зара.
Наконец-то приш-
ла!

-Зара! Мне
удалось!!!

-Не умирай,
Зара!

-Я отомстила и хочу умереть, но не здесь...

-Я не понимаю: она мертва, а я всё такой же!

-Это не она, это я тебя заколдовала. Как только я умру, ты получишь свободу...

...Её смерть освободила меня: ведь мне больше тысячи лет, и я устала жить...

...ПРОСТИ МЕНЯ...

А ПОТОМ НАЧАЛОСЬ СТРАННОЕ...

Последним проблеском сознания Зорг всё понял и... с облегчением скользнул в траву...

* Сияющая Друза

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

Джим Баттиски выключил двигатель. Сэм Белавенц откинул дверцу и прыгнул на землю. Ноги по щиколотку ушли в черное месиво. Сэм неторопливо достал из кармана комбинезона сигарету и закурил. Дым сигареты смешался с жарким паром от радиатора и повис белым облаком. Здесь, на Зелени, ветра никогда не было.

Такое название — Зелень — дал этой планете капитан Дингер сразу после посадки. Целая планета несчетных лесов. Огромные деревья высотой в несколько сот футов, похожие на земные секвойи; деревья поменьше; деревья совсем маленькие, карликовые, но везде, сплошь, одни деревья. Скопища, между которыми стоит неподвижный воздух. Липкое месиво под ногами с пестрящими кое-где пятнами ядовитых лишайников.

Капитан Дингер, который уже имел опыт в отыскании Сияющей Друзы, скептически отозвался о возможности существования месторождения. Однако уже на следующий день «Искатель» выдал координаты, и экипаж, измученный многомесячным бездействием, тут же пришел в возбужденное состояние. Удержать никого было решительно невозможно. Все знали, что на Зелени нет опасных зверей, водятся разная мелочь, и это только подстегивало всеобщий ажиотаж. Люди были охвачены одной мыслью — найти Сияющую Друзу. Настороженность первых дней сменило приподнятое настроение. Капитана с его предостережениями слушать не хотели, несколько дней пути — и все станут богачами.

Это было неделю назад. А сейчас позади двухместного «Птенца» шел необъятный «Буцефал» со всем экипажем и контейнером в багажнике. В контейнере была Сияющая Друза — их цель, долгожданное сокровище, на поиски которого они потратили несколько лет.

Сэм поднял голову и увидел, что Джим Баттиски, свесив ноги, сидит в дверном проеме вездехода и держит в руке откупоренную бутылку виски. Скосив глаза на Сэма, Баттиски неторопливо поскреб заросший рыжей щетиной подбородок и сделал большой глоток из бутылки. Его маленькие колючие глазки слезились.

— Ни просвета, — Джим показал бутылкой на смякающуюся над головой крышу. — Хотя бы краешек неба. Он перехватил неодобрительный взгляд Сэма и, захохотав, помахал бутылкой у него перед носом.

— Может, хлебнешь?! А? Ну ладно, ладно. Ты же знаешь, что мне это не мешает. Садись, поговорим.

— Не пил бы ты лучше, — сказал Сэм Белавенц и присел рядом с Джимом на крыло вездехода. — Командир-то, небось, не зря запрещает.

— Командир, командир... Что мне твой командир, — пробурчал Баттиски. — А без виски я через день бы свихнулся на этой богом проклятой планете.

Он повел головой. В неподвижном влажном воздухе не было слышно ни малейшего шороха. Тяжелые стволы, а между ними след «Буцефала». Ветви, набрякшие изумрудными, мясистыми листьями.

— Интересно, когда они будут? — словно в пространство спросил Сэм.

Баттиски сплюнул и сделал порядочный глоток из бутылки.

— Кончай трепаться! Ты же знаешь, что мы опережаем их на шесть часов. На кой черт нужно это охранение, если ясно было с самого начала, что никто на нас нападать не собирается. Никого тут нет. Одни деревья и лишайники. Лишайники и деревья...

— И Сияющая Друза, — как бы невзначай бросил Сэм.

— ...и Сияющая Друза, — повторил Баттиски и пристально посмотрел на Сэма. Затем отвел глаза. — Все это сказки для малышей.

— Что?

— Опасности. Кто-то придумал страшную сказочку, а все ей верят... По-моему, дело в том, что Сияющих Друз очень мало, вот каждая находка и становится сенсацией. Поэтому

...немногие смельчаки могут похвалиться тем, что добыли Сияющую Друзу. Водится она только на планетах Легантов. Мало осталось таких планет, и не похоже они одна на другую, не похожи и страны. Нечисленными опасностями, подстерегающие безумца, ступившего на планету Легантов, и нельзя их предусмотреть, потому что это Неизвестное, всякий раз иное, но одинаково грозное и неумолимое...

Из «Легенд Космоса».

такие оборванцы, как мы, и шастанут по всему Космосу, чтобы найти ее.

— А как же Пат Горофф? — спросил Сэм Белавенц. — Ты же слышал эту историю? Как он вырвался с Каранга один, полубогоревший, на ископленном звездолете. Где Джо Оборванец, Вилли Уилкинсон, Пауль Брайтнер? Где их корабли? А все они тоже надеялись найти планеты Легантов...

— Джо, Вилли, Пауль... Слава богу, наш звездолет будет крепче посудин этих ребят. Они-то летали на таких касторьях, которые в пору было отправлять на свалку. Где они?.. Поди ищи... Космос большой. Но в одном я уверен — ни до одной планеты они не добрались, рассыпались еще в Космосе. Что же касается Гороффа... Ты его видел? С ним встречался?

— Нет. Ты же знаешь, он в какой-то лечебнице.

— В какой-то... А в какой?

— Известно, в какой... — пробурчал Сэм.

— Так вот, когда ты свихнешься, Сэм, ты еще и не такого наговоришь. Похлеще придумаешь, чем планеты Легантов.

Баттиски снова приложился к бутылке.

— Капитан Мак-Маггой привез Сияющую Друзу, — сказал Сэм Белавенц. — Из двенадцати их вернулось четверо, и они привезли Сияющую Друзу. Ты понимаешь — четверо? И они молчат. И лучше их не спрашивать, как она им досталась. Трое из них поседело до последнего волоска. Да и Мак-Маггой, вероятно, поседел бы тоже, если бы не был лыс, как колено.

— Да, их вернулось четверо из двенадцати, — зловеще ухмыльнулся Баттиски и наклонился к Сэму. — Один ты такой дурачок и ничего не понимаешь. Они, эти четверо, заработали по миллиарду, а если бы их вернулось двенадцать? Доля явно уменьшилась бы в три раза! Так что арифметика простая. Я давно раскусил этого Мак-Магоя.

Сэм отшатнулся. — Так что арифметика простая, — повторил Джим. — И молчат они поэтому.

— Ты думаешь... — начал Сэм.

— Ладно... — прервал его Баттиски и посмотрел вверх. Его заросший щетиной кадык дернулся. — Проклятая планета! Хотя бы клочок неба! Сидишь, как под крышкой.

— У меня тоже такое чувство, — сказал Белавенц, — словно под колпаком. И кто-то наблюдает, рассматривает, как в микроскоп. А ничего не случилось. И засекли мы ее сразу, и нашли быстро, и погрузили. Как-то странно все это. Слишком гладко. Я-то надеялся, что с боем будем добывать, ну, звери там какие-нибудь или извержение вулкана...

— Ты видел ее? — спросил Джим, по-прежнему глядя вверх. — А я нет — стоял на часах, сторожил неизвестно кого...

— Видел.

— Какая она?

— Ну... Это не объясняешь, — замыслил Сэм. — Это как свет Обтесанный, вырезанный, но в то же время — дикий...

— Дикий... — тихо сказал Баттиски. — Тут все дикое.

Он одним глотком допил виски и выбросил бутылку. Лица грязь поглотила ее без звука.

Сэм встал.

— Пора ехать.

Погоди-ка, — Баттиски схватил его за руку, колючими глазками впился в лицо. — Ты меня понял?

— Ты о чем?

— О том самом. Ты знаешь...

Неприятный холодок пополз у Сэма под рубашку.

— Джим...

— Нет... погоди. Дай я скажу... Сэм, отсюда до корабля два часа езды. Два часа. Нам ничто не помешает. Это сказки... Никого тут нет... Нам ничто не помешает. — Баттиски говорил все быстрее, словно боялся, что его остановят — Мы справимся вдвоем — ты и я. Два часа езды, знакомая

дорога. Ты поведешь корабль. Мы станем богачами. Если на двоих — то это по два миллиарда.

Сэм стоял неподвижно, глядя на Баттиски. Этот человек прочитал его тайные мысли. Когда он начал думать об этом? День назад, неделю? Или тогда, когда увидел Сияющую Друзу? Или еще раньше, когда мечтал о богатстве, деньгах, которые получит, когда они найдут ее? Когда работал поденщиком на жидкостных грузовиках или перебивался гнилыми овощами на свалках Венеры, когда трясся от холода в почтовых отделениях планетолетов ближнего следования или фобивался потом, работая кочегаром на плазменных печах фотонных заводов? Вся жизнь он искал свой шанс. И вот теперь... Когда нашли Сияющую Друзу... Да! Проклятое воспитание! Не в меру интеллигентные родители привили маленькому Сэму как раз те качества, которые лишь мешают жить. Вся жизнь Сэм таскал за собой этот груз, не в силах избавиться от него до конца, и так и не заметил, где, в каких закоулках Вселенной растерял его. Может быть, год назад, на Мицаре? Но тогда он защищал свою жизнь. Ну, решайся.

Сэм улыбнулся.

Сэм поднял голову.

БАТТИСКИ смотрел на него, не отрывая маленьких глаз, и Сэм машинально отметил, что кобура на поясе у него расстегнута, и из нее выглядывает пластмассовая рукоятка протонострела. Предосторожность не помешает.

«Ну что же, Сэмюэль Белавенц, ты был хорошим парнем», — подумал он и облизал горячие губы.

— Когда?

Баттиски засмеялся. Смех его походил на рычание.

— Сэм, старина! Я не сомневался в тебе. Ты парень что надо! Я прикинул — одному никак не справиться. Шестерых сразу не уложишь, да и в навигации я не очень... Поднять корабль, конечно, подниму, а дальше...

Белавенц внутренне собрался.

— Так что же, Джим Баттиски, — процедил он, чувствуя, как в нем закипает гнев, — если бы ты смог справиться один, ты и меня бы уложил, не моргнув глазом? Так, что ли? Баттиски снова захохотал, как зарычал:

— Вот ты как повернул! Ну, парень, ты мне нравишься, — и, внезапно став серьезным, наклонился к Сэму и схватил его за воротник комбинезона. — Не бойся! Теперь нам по одной дорожке идти. Я тебя давно заметил, Сэм Белавенц. Тогда — на Мицаре, помнишь? Ты пришел без Коротышки Булля. А Коротышка поклялся пришить тебя, один я об этом знал. А он обычно свои обещания выполнял.

Сэм почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Коротышка утонул в болоте, — пробормотал он.

— Ну и ладно, — тихо сказал Баттиски, не отводя глаз от лица Сэма и криво усмехаясь. — Утонул и утонул. Бог с ним.

Он отпустил воротник. Белавенц растерал рукой шею. «Какая разница, — думал он, — сейчас мы все равно нужны друг другу»

— Значит, так, — сказал Баттиски и посмотрел на часы.

— В двенадцать они делают привал. Сейчас на «Птенце» идем назад. Через два часа придется его оставить и дальше пешком, чтобы не поднимать шум. По моим расчетам, примерно в четверть первого должны добраться...

Он достал из-под сидения еще одну бутылку виски, сорвал зубами крышку. Запрокинув голову, сделал несколько глотков и неожиданно рывкнул:

— Ну, что стоишь? Садись, поехали...

...Через два часа они въехали в густой подлесок. Огромные стволы по-прежнему уходили ввысь, но теперь между ними кустилась молодая поросль в полтора-два человеческих роста. След «Буцефала» тянулся сквозь нее, как широкая просека. Баттиски остановил «Птенца», и они пошли пешком. С собой взяли только протонострелы, да Баттиски не забыл сунуть в задний карман комбинезона неизменную бутылку.

Идти было тяжело. Густая липкая грязь не отпускала ноги. Стало больше лишайников. При прикосновении они цеплялись за одежду, а добравшись до открытого тела, оставляли болезненные ожоги Баттиски и Сэм старались обходить лишайники. Впрочем, это была единственная неприятная разновидность обитателей Зелени.

Сэм шел позади, тяжело вытаскивая ноги из грязи, устави-вшись в спину Баттиски. туго обтянутую протетической тканью комбинезона Баттиски шагал, по-бычьему склонив коротко остриженную голову. Сэма бесила эта непоколебимая уверенность. Сам он — за эти несколько часов — прошел.

казалось, все круги ада и уже не думал ни о чем, а просто переставлял ноги, стараясь попасть в след, оставленный Джимом. Ему хотелось стать таким же не чувствующим ни колебаний, ни угрызений совести крепышом, идущим напролом и готовым перегрызть глотку любому, кто станет на его пути. И Сэм мучился от сознания того, что не станет таким никогда, и в эти минуты ему хотелось сорвать с плеча протонострел и разрядить его в эту уширокую уверенную спину.

...Баттиски остановился так внезапно, что Сэм наткнулся на него.

— Тихо!

— Я ничего не слышу, — оглянулся вокруг Сэм.

— Это они... Я чувю...

Баттиски словно преобразился. В его фигуре появилось что-то цепкое, кошачье. Он пригнулся и коротко бросил Сэму:

— За мной!

И вдруг остановился, поймав Сэма за воротник, притянул к себе. Прямо перед собой Сэм увидел его потное, заросшее щетиной лицо и острые щелочки глаз. Его замутило от запаха перегара.

— Н-н-ну, дерьмо... Теперь не отступать!..

И, отвернувшись, углубился в подлесок. Белавенц молча последовал за ним.

Они сошли с колеи и, сделав полукруг, снова приблизились к ней со стороны леса. Теперь и Сэм слышал приглушенные голоса, доносившиеся из-за деревьев. Баттиски остановился:

— Теперь ползком!

Белавенц замаялся.

— В грязь! — тяжелой ладонью ткнул его в спину Джим и сам плюхнулся рядом, разбрызгивая жидкое месиво.

Через несколько десятков метров между деревьями показалась тяжелая глыба «Буцефала». Баттиски и Сэм добрались, наконец, до небольшого пригорка, если можно назвать пригорком то место, где грязь было немного побольше. Отсюда «Буцефал» был как на ладони.

— Так, четверо есть, — хрипло шепнул Баттиски. — Где же пятый?

Сэм осторожно поднял голову. Капитан Дингер, Джо Плейтнер, Пэт Литовски и Красавчик Диск. Где же Сторингер? Может быть, внутри, в «Буцефале»?

— Дерьмо! — выругался шепотом Баттиски и смахнул с рукава нащепку лишайника.

Из раскрытого настежь люка «Буцефала» показалась рыжая голова Сторингера. Сэма начала бить нервная дрожь.

— Готовься! — командовал Баттиски и потянул из кобуры протонострел.

Джо, Пэт и Красавчик сидели на верхней палубе. Красавчик что-то рассказывал, оживленно жестикулируя. Иногда Джо и Пэт взрывались хохотом, который гулко отдавался меж деревьев. Капитан Дингер пристроился на стволе поваленного «Буцефалом» дерева и, нагнувшись, что-то писал в блокноте. Дневник, вспомнил Сэм, капитан же ведет дневник.

— Ты что, заснул? — локтем толкнул Сэма Баттиски. — Как только этот вылезет, стреляем. Я возьму на себя этих троих, а ты Стори и Капитана. Сначала Капитана, а затем сразу переводы прицел на Стори. Регулятор поставь на ноль-пять, чтобы не повредить «Буцефал». Как я крикну, сразу стреляй.

Сэм, чувствуя во всем теле звенящую пустоту, послушно поймал в перекрестие прицела склоненную голову Капитана.

— А, дьявол, — выругался Баттиски, — скоро он вылезет?! Надоело валяться в грязь.

Там, вдали, Сторингер выбрался из люка и прыгнул вниз на землю.

— Давай! — ударил по ушам крик Баттиски, и сразу же рожочуще ударил выстрел из протонострела. Сэм нажал на гашетку, перевел прицел на застывшую фигуру Сторингера и снова нажал, не слыша своих выстрелов и только морщась от грома протонострела Баттиски. И тут, как в кошмарном сне, он увидел, как открывается запасной люк «Буцефала», и оттуда выкатывается сгорбленная человеческая фигурка, останавливается в нерешительности, а затем, пригнувшись, бросается в лес. Сэм лоймал в перекрестие широкую спину с размытыми пота на комбинезоне и нажал на гашетку, и нажимал, когда человек уже упал, до тех пор, пока все заряды не ушли вдали, между стволов деревьев.

— Ты что, спятил? — Белавенц очнулся от сильного удара. — Что палишь в белый свет?.. Идем. Все уже кончилось.

— Джим! — поднял на Баттиски расширенные глаза Сэм.

— Ты... скольких?

— Трех, как и договаривались.

— А кто же...

— Ты чего, парень! Рановато тебе мерещиться начинает. Идем, все уже готовы.

Баттиски встал и грязными руками вытер пот со лба. Затем достал из заднего кармана бутылку, с жадностью припал к ней.

— Не бойся. Там уже мертвецы, а мертвецов я люблю, — он хрипло захохотал. — Они смирные.

Сэм посмотрел на него. Перед его глазами встал Капитан Дингер: он падал головой вперед, в грязь; затем — отброшенный к борту «Буцефала», медленно оседающий Сторингер. А потом тот, третий...

— Да ты что, и впрямь спятил? — с беспокойством шагнул к нему Баттиски.

Сэм потряс головой.

— Нет, нет... Ничего. Не обращай внимания.

Он тяжело поднялся.

— Пойдем.

Надо идти, идти до конца. Сейчас они все увидят. Ноги вдруг стали непослушными. Какая тишина кругом, даже

в ушах звенит. Как же он раньше не замечал, как давит эта тишина...

НИ подошли к «Буцефалу». Капитан Дингер, Сторингер — безжизненные тела. Из-за высоты вездехода снизу не было видно Джо, Пэта и Красавчика. Глаза Сэма остановились на человеческой фигуре, которая лежала лицом вниз в десятке метров от «Буцефала».

Баттиски перехватил взгляд Сэма.

— Дьяволицина, — выругался он сквозь зубы. — Это, должно быть, Красавчик. Неужели я промахнулся?

Он направился к неподвижному телу. Белавенц поставил ногу на крыло вездехода, поднялся на руках и оказался на верхней палубе. Но еще раньше, чем увидел три распростертых тела, он услышал звериный, нечеловеческий вопль Баттиски. Чувствуя, что произошло что-то страшное, Сэм метнулся вниз и в несколько прыжков оказался рядом с Джимом.

Баттиски сидел, широко разбросав ноги и прислонясь к стволу огромного дерева. Его глаза остекленели, из глотки вырывался уже не крик, а протяжный вой. А перед ним, перевернутый на спину, уставив в кроны деревьев измазанный грязью и кровью щетинистый подбородок, лежал мертвый Джим Баттиски.

Сэм перевел взгляд с лица мертвого на лицо человека. Он почувствовал, что не может двинуться с места. Невыразимый страх сковал его, лишил способности двигаться, убежать, скрыться. Лицо Баттиски вдруг стало меняться. Оно странно пошло волнами, заколебалось, как будто кожу что-то распирало изнутри, приобрело зеленоватый оттенок, затем стало отслаиваться толстыми, мясистыми, изумрудными листьями, которые осыпались на колени Джима. Тело его изгибалось и корчилось: руки, вшившиеся в грязь, стали похожи на черные извивающиеся корни. Затем, словно по мановению волшебной палочки, все прекратилось, и на Сэма опять смотрело искаженное страданием лицо Баттиски. Сквозь вой прорывались невнятные слова:

— Сэм, а-а-а... это...

Баттиски протянул руки к Сэму. Тот отшатнулся.

— Сэм, не могу, не могу... Листья, деревья, корни, снова листья... А-а-а... Проклятая планета. Это не я, Сэм, это не... не я...

Взгляд Баттиски упал на неподвижное тело перед ним.

— Вот, вот — это я... Проклятая планета. Это все Сияющая Друза! Планета Легантов! Дерьмо!

Сэм в ужасе сделал шаг назад.

— Сэм! — голос Баттиски сорвался на вой. — А-а-а... Не уходи. Не бросай меня... Я не хочу... Это страшно... Лучше убей, убей, убе-е-е-й!

Лицо его вновь пошло волнами. Сэм отступил еще на шаг назад и наткнулся на протонострел Баттиски. Не отводя глаз от Джима, он присел и нащарил рукой теплый еще ствол.

Тело Джима начало корчиться. Сэм Белавенц поднял протонострел и нажал на гашетку. И сразу же то, что был Джимом Баттиски, исчезло, пропало, словно растворилось в неподвижном воздухе. Только закружилось несколько мгновенно высохших в протонном ударе зеленых листьев.

Сэм посмотрел на мертвое лицо настоящей Друзы. Баттиски и, волоча за собой протонострел, побрел к «Буцефалу». Мыслей не было, не осталось даже страха. Только одна безразличие. Планета Легантов. Сияющая Друза. А почему она пощадил меня? Не все ли равно.

Капитан Дингер, Сторингер, Джо Плейтнер, Пэт Литовски, Красавчик Диск. А там лежит Джим Баттиски. Все они здесь Мертвые... А я... я... Здорово придумала эта планета! Проклятая планета! Расправляйся с людьми руками самих людей. Нет, не руками. Мыслями, злобой, жадностью, ненавистью. Здорово!

Сэм поймал себя на том, что захлебывается истерическим смехом. «Стоп, — одернул он себя, — не распускаться, ты еще жив».

Он подошел в грузовому люку «Буцефала» и нажал на рычаг привода. Послушно зажужжали двигатели, и дверь грузового люка откинулась, открыв небольшой металлический контейнер с Сияющей Друзой.

— Ну, что ж, — сказал он громко, — я вернусь один и получу четыре миллиарда. Жаль, нет зеркала. Интересно посмотреть, поседел я или нет.

Его голос дробился и отражался в миллиардах зеленых мясистых листьев и глож в черной липкой трясине.

— Надо ехать, — сказал сам себе Сэм.

Он стащил трупы в одно место и положил их рядом, под деревом. Капитан Дингер, Сторингер, Джо Плейтнер, Пэт

Литовски, Красавчик Дикс, Джим Баттиски. Я не виноват в вашей гибели. Это все она. Проклятая планета.

Когда все было сделано, его взгляд упал на небольшую тетрадь в коричневом пластиковом переплете, лежащую в грязи возле гусеницы «Буцефала». Дневник Капитана Дингера.

Что-то большее, чем просто любопытство, заставило Сэма Белавенца поднять этот дневник и открыть его на нужной странице...

Он долго перечитывал одни и те же строчки, записанные неровным почерком Капитана Дингера...

«День восьмой. Несчастливый день. Сегодня погиб Сэм Белавенц. Нелепая случайность. Он находился на верх-

ней палубе, когда засохшее дерево рухнуло на «Буцефал». Бедняге раздробило голову. Мы похоронили его тут же, под деревьями. Потеряли четыре часа. Но ничего, завтра надемся уже добраться до Сияющей Друзы и взять ее. Да, Сэм... Жаль его все-таки. Он был хорошим парнем, хоть и слабохарактерным, как все интеллигенты...»

Сэм посмотрел вверх. Хотя бы клочок неба, хоть небольшой клочок голубого земного неба.

— Он был хорошим парнем! — закричал он отчаянно, и эхо метнулось от листьев к земле.

И в этом момент вверху, над головой раздался треск. Сэм успел вскинуть голову и увидел, как рушится переломившееся пополам дерево.

АГАТА КРИСТИ

ДЕЛО БОГАТОЙ ЖЕНЩИНЫ

Художник
Щербакова

Однажды мистер Паркер Пайн получил визитную карточку. На ней значилось: «Миссис Абнер Румер». Пайн удивленно вскинул брови, ведь это имя было ему хорошо известно.

Вслед за карточкой появилась и сама миссис Румер, тоже пожелавшая стать клиенткой Пайна. Она была высокого роста и широкой в кости.

Вельветовое платье и тяжелое пальто из шерсти не могли скрыть неуклюжести ее фигуры. Широкое лицо миссис Румер обрамляли великолепно уложенные черные волосы. На голове женщины красовалась шляпка, украшенная страусиными перьями. Она непринужденно уселась в кресло и, кивнув головой, произнесла грубым голосом:

— Доброе утро! Я прочитала объявление в газете о том, что вы делаете людей счастливыми... Скажите, вы не можете мне с толком потратить мои деньги?

— Довольно оригинальная просьба, — заметил мистер Пайн. — И когда же вы хотите проделать это? Неужели, миссис Румер, так сложно придумать, куда можно истратить деньги?

— Именно так! — решительно заявила леди. — У меня три шерстяных пальто, одежда из Парижа и еще полно всякой всячины. Есть машина и дом на Парклейн. Я владелица яхты, хотя не люблю морских прогулок. В моем доме полно первоклассных слуг. Я часто путешествую и видела немало стран. Но я была бы просто счастлива, если б удалось узнать, куда же еще можно потратить деньги, кроме как совершать покупки! — Женщина с надеждой посмотрела на Пайна.

— Но ведь существуют госпитали! — ответил тот.

— Как, взять и пожертвовать все деньги в пользу госпиталей? Да вы что! Ведь они не упали с неба, а заработаны, причем, не побоюсь сказать, тяжким трудом. И выбросить их просто так, как комок грязи — нет уж, извините. Я хочу именно потратить их, то есть получить взамен какой-нибудь товар. Подкиньте мне несколько хороших идей в этом направлении, и я вам щедро заплачу.

— Предложение, что и говорить, интересное. Но для начала расскажите-ка о себе поподробнее.

— Хорошо, стесняться мне нечего... С детских лет работала на ферме. Работа была крайне тяжелая. Потом познакомилась с Абнером, рабочим фабрики, расположенной неподалеку. Целых восемь лет он ухаживал за мной, прежде чем мы поженились.

— Ваш брак удался, — уточнил мистер Пайн.

— Вполне. Абнер был хорошим человеком. К тому же, мы слишком долго боролись за свое счастье. У нас родилось четверо детей — три мальчика и одна девочка, но никто не выжил. — Тут ее лицо заметно порозовело, и она сразу же стала выглядеть гораздо моложе, как будто сумела на время сбросить груз прожитых лет.

— Абнер тяжело болел — у него была грудная жаба. Поэтому его не взяли на фронт. Во время войны он оставался дома, работал прорабом на стройке. Абнер всегда был толковым парнем. И вот однажды он избрал что-то очень важное, за что получил целую кучу денег. Большую часть из

них израсходовал на экспериментальное подтверждение другой своей идеи. Она принесла ему еще больше денег. После этого он стал уже мастером, сам нанимал и платил рабочим. Потом купил по дешевке две обанкротившиеся компании и превратил их в прибыльное предприятие. Ну, а дальше было уже просто. Деньги потекли к нам рекой.

Это внезапно обрушившееся богатство вначале нас даже забавляло, как будто мы участвовали в какой-то игре. Ну представьте, появились дом с бассейном, слуги. Не нужно самой готовить еду, делать уборку, стирать. Сиди себе на диване да знай жми на звонок — принесут тебе и чай, и все остальное, словно графине какой. Мы много путешествовали: Лондон, Париж, Ривьера... Вот было здорово!

— Ну, а дальше? — спросил Пайн.

— Дальше все стало казаться нам не столь уж забавным. Изысканная пища и развлечения изрядно наскучили. Да и здоровье Абнера стало подводить. Приглашали лучших докторов, но и они оказались бессильны. Вскоре Абнер умер, — женщина сделала паузу. — А ведь было ему всего сорок три года.

Мистер Пайн сочувственно покачал головой.

— Это случилось пять лет назад, — продолжала между тем миссис Румер. — Но и после смерти мужа деньги продолжали поступать. Будь я даже крайне расточительной, и то не смогла бы все их растратить. И вновь повторяю вам, что сама я не в состоянии больше придумать, чтобы еще можно было мне купить, чего у меня еще бы не было.

— Иными словами, ваша жизнь стала невыносимо скучной. Она перестала вас радовать.

— Меня тошнит от нее, — с отвращением произнесла миссис Румер. — Друзей у меня нет. Знакомые любят лишь брать деньги в долг, и при этом еще исподтишка смеются надо мной. Их шокирует то, что я сама вожу свою машину. Так вы сможете помочь мне чем-нибудь?

— Думаю, что да, — неторопливо ответил мистер Пайн. — Дело это нелегкое, но я настроен оптимистично. Мне кажется, что я смогу вернуть вам то, что вы утеряти — интерес к жизни.

— Каким образом? — воскликнула миссис Румер.

— Это моя профессиональная тайна. Я никогда не открываю клиенту свою методику. Вопрос заключается лишь в том, насколько велик ваш шанс? Полной гарантии успеха дать не могу.

— И во сколько мне все это обойдется?

— Видите ли, мне придется использовать различные методы. Появятся дополнительные расходы. Нужен задаток в сто фунтов.

— Сегодня вечером я вышлю вам чек, — сказала миссис Румер, поднимаясь с кресла. — Я верю вам, хотя я сама не знаю почему.

— Если бы я не выполнял того, что обещал публично, то давно бы прогорел. Мне удается проникать в суть несчастий людей и выявлять их главные причины, а уж потом возникают идеи, как вернуть человека в противоположное состояние.

Миссис Румер удовлетворительно кивнула головой и вышла из кабинета, оставив после себя плотный запах

дорогих духов. Сразу же после этого в дверях комнаты оказался неотразимый Клаудио Лутрел.

— Что-нибудь по моей линии? — спросил он.

Мистер Пайн отрицательно покачал головой.

— Нет! Это дело куда более сложное. Мы пошли на больший риск — нам предстоит сделать почти что невозможное.

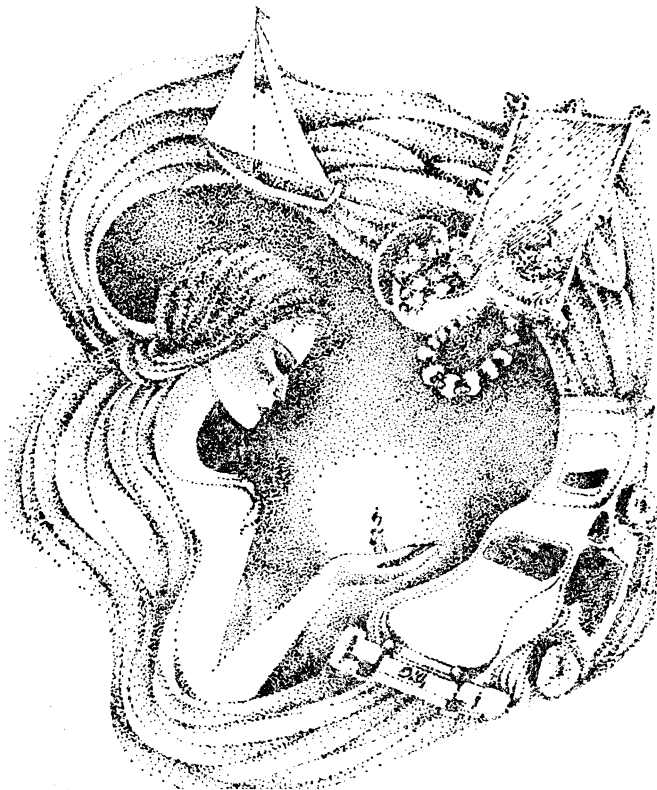
— Пригласить миссис Оливер?

Услышав имя всемирно известной писательницы, мистер Пайн усмехнулся.

— Нет, не надо. Миссис Оливер — это слишком банально.

У меня в голове созрел очень смелый и даже дерзкий план. Позвоните-ка вы доктору Антробусу.

— Антробусу?

— Именно ему. Нам понадобятся его услуги.

Через неделю миссис Румер снова появилась в конторе мистера Пайна. Увидев ее, хозяин кабинета поднялся со своего кресла.

— Прошу прощения, что заставил вас так долго ждать. Но без этого не обойтись, — заметил он. — Мы времени даром не теряли, нам удалось сделать главное — заручиться поддержкой человека, известного всему миру.

— О! — с восторгом прореагировала миссис Румер. Однако в ее голосе слышались нотки подозрительности, что, наверное, было вполне естественно для человека, заплатившего сто фунтов пока неизвестно за что.

Мистер Пайн надавил на кнопку звонка. И тотчас в кабинет вошла темноволосая девушка с лицом восточного типа, одетая в белый медицинский халат.

— У вас все готово, миссис де Сара?

— Да, доктор Константин ждет.

— Что вы собираетесь делать? — спросила миссис Румер. На этот раз в ее голосе чувствовалось легкое беспокойство.

— Хочу представить вас одному из самых знаменитых магов Востока, дорогая леди, — ответил мистер Пайн. В сопровождении медсестры миссис Румер поднялась на следующий этаж, где находилась комната, размещавшаяся совершенно отдельно и никоим образом не связанная с другими помещениями дома. Ее стены были покрыты гобеленами в восточном стиле, пол устлан роскошным ковром, на котором стояли низкие диваны с легкими, почти что невесомыми подушками. На одном из них за сервированным кофейным столиком сидел какой-то человек. Когда дамы вошли в комнату, он поднялся и наклонил голову в знак приветствия.

— Доктор Константин, — представила его медсестра.

Доктор был одет в европейский костюм, однако смуглая кожа выдавала восточное происхождение. В глазах этого человека явственно просматривалась недюжинная сила и умение подчинять себе людей.

— Итак, значит вы и есть моя пациентка? — спросил он глухим, дребезжащим голосом.

— Только не пациентка! — возразила миссис Румер. — Я, слава богу, пока не больна.

— Не знает хвори только ваше тело, а душа же нездорова. Только у нас, на Востоке, научились лечить ее. Присядьте, выпейте чашечку кофе.

Миссис Румер присела на мягкий диван и взяла в руки чашечку с ароматным напитком. При этом она продолжала внимательно слушать речь доктора.

— У вас, на Западе, врачи могут лечить только болезни тела. И в этом заключается их главная ошибка. Ведь тело — только инструмент. А главную роль играет душа. Душа может быть печальной и нездоровой или, наоборот, веселой, здоровой и жизнерадостной. Именно на такой лад мы попытаемся настроить вашу душу. У вас есть деньги. Вы можете свободно тратить их и получать любые удовольствия. Но, несмотря на это, жизнь стала вам в тягость. Вы должны снова вернуться к полнокровной жизни. Это ведь так легко... легко... легко...

Миссис Румер овладело чувство полной расслабленности, фигуры доктора и медсестры стали расплываться. Вдруг стало легко, радостно, начало клонить в сон. В ее затуманенном взоре фигура доктора внезапно стала расти и вообще все предметы, весь окружающий мир приобрели какие-то гигантские размеры.

Доктор внимательно смотрел в ее глаза.

— Спать! — внушительно потребовал он. — Ваши глаза закрываются, и вы спите, спите...

Веки миссис Румер опустились. Она заснула и поплыла в огромный прекрасный и удивительный мир...

Когда она проснулась, ей показалось, что прошло очень много времени. Женщина не могла отчетливо вспомнить, что же с ней произошло. В голове остались какие-то обрывки: изумительные сны, потом какая-то машина, красивая темноволосая девушка, затем снова чудесные сны. Но где бы она ни витала в этих замечательных сновидениях, теперь-то она снова лежит в своей кровати. А, кстати, ее ли это кровать? Что-то она слишком жесткая. Именно на такой спала миссис Румер до своего замужества, в те давно минувшие дни, когда работала на ферме. Женщина перевернулась на другой бок, и кровать заскрипела. В доме же на Парклейн ее кровать не издавала ни звука. Миссис Румер с опаской огляделась кругом. Конечно, это вовсе не ее дом на Парклейн. Наверное, это госпиталь? Да нет, комната, где она находилась, вовсе не напоминала больничную палату, как, впрочем, абсолютно не походила и на номер в отеле. Это была спальня, стены которой были выкрашены в сиреневый цвет. В углу стоял туалетный столик с кувшином и тазом. Рядом помещались массивный комод и сундук. Тут же лежали чьи-то вещи. А чуть поодаль стояла еще одна кровать, покрытая точно таким же стеганным одеялом, что и ложе, на котором покоилась миссис Румер.

— Куда я попала? — воскликнула она.

Тут распахнулась дверь, и в комнату вошла толстушка маленького роста. Ее отличали румяные щеки и, судя по всему, веселый нрав.

— Скорее, доктор! — пронзительно закричала она. — Пациентка пришла в себя.

Миссис Румер было открыла рот, чтобы порасспросить о некоторых вещах, весьма ее интересовавших, но быстро раздумала это делать, поскольку человек, вошедший в комнату вслед за толстушкой, ни в коей мере не напоминал элегантного, смуглого доктора Константина. Это был пожилой мужчина, взиравший на мир сквозь толстые стекла очков.

— Прекрасно, — пробормотал он, подойдя к кровати и взяв миссис Румер за руку, чтобы сосчитать пульс. — Теперь вам станет гораздо лучше, моя дорогая.

— А что же со мной произошло?

— Ничего страшного, что-то вроде небольшого обморока.

— Вы пролежали в беспмятстве два дня, — добавил доктор. — Но теперь уже не о чем беспокоиться... Да, Ханна, ты заставила нас поволноваться! Вытворяла какие-то странные вещи. Как сказала миссис Гарднер, тебя ни на минуту нельзя было оставить одну.

— О своей работе, Ханна, можешь не беспокоиться. С мистером Робертсом мы быстро нашли общий язык, — добавила миссис Гарднер.

— Почему вы зовете меня Ханной? — с удивлением спросила миссис Румер.
 — Потому что это твоё имя, — с неменьшим удивлением пояснил доктор.
 — Совсе нет. Меня зовут Амалия, Амалия Румер, миссис Абнер Румер!
 Доктор и миссис Гарднер изумленно взглянули друг на друга.
 — Лежи, пожалуйста, спокойно, не делай резких движений, — сказала миссис Гарднер.
 — Да, да, тебе ни в коем случае нельзя волноваться, — добавил доктор.

КОГДА они вышли из комнаты, миссис Румер откинулась на подушки. Почему они зовут её Ханной? И что означали их полные удивления взгляды, когда она назвала своё настоящее имя? Куда же она все-таки попала? И кто, наконец, объяснит, что с ней вообще произошло? Мучимая этими вопросами, миссис Румер вскочила с кровати. И, хотя в ногах ощущалась неимоверная слабость, она добрела до окна и выглянула на улицу. Вот чудеса — да она, оказывается, на ферме! Потом миссис Румер снова легла в постель. Но как она очутилась на ферме, которую раньше и в глаза не видела?

Тут в комнату вновь вошла миссис Гарднер, неся на подносе чашку с бульоном. Миссис Румер немедленно возобновила свой допрос:

— Как я оказалась в этом доме? Кто привез меня сюда?
 — Опомнись, дорогая. Никто тебя сюда не привозил. Ведь это твой дом. Ты живешь в нем уже пять лет, и я бы не сказала, что тебе здесь плохо живется.
 — Живу здесь?! Уже пять лет?!
 — Ну, разумеется, Ханна, милая, почему ты забыла обо всем этом?
 — Я никогда не жила здесь! И тебя я раньше никогда не видела!

— Видимо, действительно, когда ты заболела, у тебя появились провалы в памяти.

— Но я и вправду не жила здесь!
 — Ты ошибаешься, моя дорогая, — с этими словами миссис Гарднер подошла к комоду, взяла оттуда фотографию в рамке и подала ее миссис Румер. На фотографии было запечатлено четыре человека: два мужчины — один с бородой, другой — в старомодной одежде, пухленькая женщина, в которой легко угадывалась миссис Гарднер, и... миссис Румер.

Она схватила фотографию в руки и принялась внимательно рассматривать. А миссис Гарднер в это время поставила бульон рядом с кроватью и молча вышла из комнаты. Миссис Румер машинально выпила его, совершенно не чувствуя вкуса, хотя это был очень наваристый, горячий мясной бульон. В ее душе царило полное смятение. Кто же из них двоих сумасшедший? Она или миссис Гарднер? Кто-то из них двоих ненормальный, это точно. Но ведь был еще и доктор.

— Я Амалия Румер, — сказала она сама себе твердым и решительным голосом. — Я знаю, что я Амалия Румер, и никому не удастся убедить меня в обратном.

Бульон был съеден. Потом взгляд миссис Румер упал на стоявший возле ее кровати столик, на котором валялась скомканная газета. Она взглянула на дату: девятнадцатое октября. А к мистеру Пайну она пришла числа пятнадцатого или шестнадцатого. Значит, она пробыла без сознания дня три.

— Это все наделал тот паршивый докторишка! — с гневом промолвила миссис Румер. Ей приходилось слышать о таких случаях, когда люди напрочь забывали, кто они такие и даже как их зовут. И она очень испугалась, что и с ней могло произойти нечто подобное.

Миссис Румер начала перелистывать страницы газеты, просматривая заголовки. И вдруг в глаза ей бросилась заметка: «Миссис Абнер Румер, вдова пуговичного короля Абнера Румера, на днях была перевезена в один частный дом при весьма странных обстоятельствах. Миссис Румер утверждает, что она вовсе не вдова Абнера Румера, а простая бедная женщина по имени Ханна Морхауз».

— Ах, значит Ханна Морхауз, — пробормотала миссис Румер. — Наверное, я очень похожа на нее. Ну, посмотрим еще, кто из нас в конечном счете победит и окажется прав. Хотя, скорее всего, это просто какая-то игра, придуманная мистером Пайном.

В эту минуту ее внимание привлекла еще одна заметка, озаглавленная «Говорит доктор Константин». «Накануне

своего отъезда в Японию доктор Константин прочитал прощальную лекцию, в которой познакомил слушателей со своей новой теорией. Доктор Константин доказывает возможность переселения души из одного тела в другое. В доказательство он приводит результаты своих опытов, проведенных на Востоке, когда ему удавалось переместить душу из одной загипнотизированной телесной оболочки в другую. После прекращения гипнотического сна человек А. начинал называть себя человеком Б., а Б. — наоборот А. Для подобных экспериментов он стремится подобрать очень похожих друг на друга людей».

Полная негодования миссис Румер отшвырнула газету.
 — Негодяй! Темнокожий мерзавец!

Теперь-то она поняла все. Это была хитрая афера, имевшая целью завладеть всем ее состоянием. Эта Ханна Морхауз стала орудием в руках мистера Пайна — может быть, даже и сама того не подозревая. Конечно же, это он вместе с хитрым дьяволом Константином совершил это фантастическое превращение. Ну ничего, она им еще покажет! Она найдёт на этих жуликов управу. Она всем расскажет...

Внезапно миссис Румер перестала посылать проклятья Пайну и Константину, поскольку в голову ей пришла одна мысль. Ей вспомнилась прочитанная в газете заметка. Так нет же, Ханна Морхауз никогда не станет послушным орудием в чужих руках. Она будет протестовать, публично заявит, что она есть на самом деле. Ну что из этого выйдет? Да эту бедную женщину просто отправят в психиатрическую лечебницу, — охладил сама себя миссис Румер. Они и меня могут упрятать в психушку, да так, что и просидишь там до конца своих дней. А поди потом докажи, что ты нормальный человек. Кто тебе поверит? Раз попал в психиатрическую больницу, то и оставайся там. Нет, миссис Румер не хотело идти на такой риск. На этом ее размышления прервались, так как в комнату вошла миссис Гарднер.

— О, ты съела весь бульон, моя дорогая. Очень хорошо. Теперь тебе сразу станет лучше.

— Когда я заболела? — перебила ее миссис Румер.
 — Три дня назад, в среду. Пятнадцатого числа. Около четырех часов тебе вдруг стало плохо.

— Ах, вот как! — худшие предположения миссис Румер полностью оправдывались. Ведь именно около четырех часов она вошла в комнату, где находился доктор Константин.

— Ты заснула прямо в кресле, — продолжала между тем миссис Гарднер. — Потом внезапно вскрикнула, а потом сказала, что засыпаешь. Ты повторила это несколько раз полусонным голосом и закрыла глаза. Мы осторожно перенесли тебя на кровать и послали за доктором.

— Теперь ясно, — с горечью сказала миссис Румер, — что ты не можешь знать, кто я такая на самом деле. Ведь ты судишь только по внешнему виду.

— Что за странные вещи ты говоришь? Что же может характеризовать человека лучше, чем его лицо. Особенно ближнего человека? Ты bredишь, Ханна. Но ничего, скоро этот бред пройдет, и тебе полегчает. Я прекрасно знаю твоё лицо, и всегда смогу узнать его среди тысяч других. Хотя бы вот по этой родинке.

— Какой родинке? — изумленно спросила миссис Румер. Она была окончательно сбита с толку.

— Родимое пятнышко над правой бровью, — ответила миссис Гарднер. — Посмотри в зеркало, и ты сама убедишься в этом, моя дорогая.

Миссис Румер знала наверняка, что никакой родинки у нее нет, однако, повернувшись к комоду, она действительно увидела коричневое пятно на своем лице. После этого из ее глаз брызнули слезы.

Через четыре дня миссис Румер окончательно встала на ноги. В ее голове зрели планы мести своим обидчикам. Конечно, она могла показать миссис Гарднер и доктору ту заметку в газете, попытаться что-то им объяснить, но поверят ли они ей? Скорее всего, нет. Можно было также обратиться в полицию, однако и там она вряд ли сумеет доказать свою правоту. Наконец, оставалась еще одна возможность — явиться в офис мистера Пайна и высказать этому мерзавцу все, что она о нем думает. Но, чтобы добраться до Лондона, нужны деньги. Ведь теперь она находилась в Корнуэлле, а ее финансовые возможности исчерпывались лишь шестью пенсами.

Однако после напряженных четырехдневных раздумий миссис Румер все-таки надумала, как ей следует поступить. Итак, она — Ханна Морхауз. Ну, и отлично! Она будет играть эту роль до тех пор, пока не скопит некоторую сумму денег, а уж потом вернется в Лондон и покончит с этим мошенником в его собственном логове.

Придя к такому решению, она с большим темпераментом начала исполнять роль Ханны. При этом, смотря на себя

как бы со стороны, она не переставала саркастически усмехаться. Особо неприятаться ей не пришлось, ведь все кругом очень напоминало ту обстановку, в которой прошло ее детство. Правда, это было так давно.

После стольких лет беззаботной жизни миссис Румер, однако, нелегко давалась физическая работа. Особенно тяжело было первую неделю, когда она от усталости не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, но потом все вошло в обычную колею.

Так текли недели. Наконец, настал день, когда в руках у миссис Румер оказалась сумма денег, достаточная для того, чтобы оплатить билет до Лондона, однако что-то заставляло ее не спешить с осуществлением своего первоначального замысла. Мысли о психиатрической лечебнице по-прежнему приводили ее в панический ужас. Этот подлец Пайн тоже ведь не дурак. Он, наверное, сказал доктору, что она сумасшедшая, и тот отправил миссис Румер туда, где никто ее не знает.

— Ну, ничего, — успокаивала себя миссис Румер. — Иногда даже полезно сменить обстановку.

Она вставала с рассветом и сразу же принималась за работу. Джо Велш, новый работник, нанятый на ферму, долго болел, и миссис Румер вместе с миссис Гарднер пришлось усердно ухаживать за ним.

Так пришла весна, а вместе с ней и пора буйного цветения природы. Повсюду ощущался легкий аромат цветов. Воздух пьянил. Джо Велш часто помогал миссис Румер в ее работе, за что та обшивала и обстирывала его. Как-то в воскресенье они пошли прогуляться. Джо был вдовцом, его жена умерла четыре года назад. После ее смерти Джо начал часто прикладываться к бутылке. Но в последнее время его как будто подменили. Он стал прилично одеваться и вообще следить за собой. Глядя на все это, мистер и миссис Гарднер понимающе посмеивались.

Да, они не ошибались. Именно Ханна заставляла улыбаться обычно мрачного Джо. Нередко она в шутку поддразнивала Велша за его неуклюжесть. Он делал вид, что страшно обижен, но его глаза при этом так и лучились радостью и счастьем. Весну сменило лето, которое оказалось гораздо теплее прошлогоднего. Вся семья работала от зари до зари. И вскоре жатва была закончена. А потом наступила осень. Уже к середине октября листья на деревьях пожелтели. Как-то раз, это было восемнадцатого октября, Ханна рубила капусту, и вдруг увидела мистера Пайна, медленно бредущего вдоль изгороди.

— Вы! — в изумлении вскричала Ханна, или, точнее говоря, миссис Румер. — Это вы...! — Какое-то время она не могла прийти в себя и только судорожно глотала воздух широко раскрытым ртом.

Увидев ее, мистер Пайн приветливо улыбнулся:

— Как я рад снова встретиться с вами.

— Гнусный обманщик и вор — вот вы кто, — заявила миссис Румер. — И вы, и ваш Константин с его гипнозом. Вы ведь наверняка упрятали бедную Ханну Морхауз в сумасшедший дом.

— Совсем нет, — ответил Пайн. — Вы не правы! Никто не сажал Ханну Морхауз в сумасшедший дом по той простой причине, что ее вообще не существует в природе!

— Так я вам и поверила, — отпарировала миссис Румер. — А как же быть с фотографией, которую я видела собственными глазами?

— Обычный фотомонтаж. Ничего сложного!

— А заметки в газете?

— Фальшивка! Вся газета подделана, за исключением двух подлинных статей, чтобы придать ей более правдоподобный вид.

— А этот плут, доктор Константин?

— Вымышленное имя одного из моих друзей, обладающего некоторым актерским даром.

— Так, значит, я не была загипнотизирована?

— Конечно, нет! Вы просто проглотили особый индийский препарат, который был подмешан в кофе. А потом вас привезли в этот дом.

— И миссис Гарднер знала об этом с самого начала?

— Мистер Пайн утвердительно кивнул головой.

— Вы подкупили ее! Ничуть не сомневаюсь в этом.

— Да нет же. Она просто поверила мне на слово. Как раз я спас ее сына от тюремной решетке.

Спокойствие мистера Паркера Пайна действовало на миссис Румер успокоительно.

— Ну, а что вы скажете насчет родинки?

— Она тоже поддельная. Через полгода от нее не останется и следа.

— Так для чего вы устраивали все это представления? Превратили меня в служанку? Впрочем, можете не отвечать. Я и так знаю. Вы хотели воспользоваться моими деньгами. Вот главная причина всего этого.

— Действительно, пока вы здесь поглощали фрукты и озоци, я осуществлял контроль над вашими финансовыми делами. Но лично себе я взял лишь обещанные вами сто фунтов. Ни единого лишнего пенса не осело в моем кармане. Если уж честно, то от моего вмешательства ваше финансовое положение даже улучшилось.

— Это еще почему? — спросила миссис Румер.

— Позвольте сначала мне задать вам один вопрос, — ответил Паркер Пайн. — Вы честная женщина и, надеюсь, не будете кривить душой. Скажите начистоту, вы счастливы?

— Счастлива ли я? Замечательный вопрос! Забрали у же-

щины все ее деньги, а потом спрашиваете, счастлива ли она! Ну вы и нахал!

— Вы сердитесь на меня, — заметил Паркер Пайн. — Вас можно понять. Однако оставьте хоть на минуту мою личную жизнь в покое. Год назад, войдя в мой офис, вы, миссис Румер, заявили, что крайне несчастны. Станете ли вы утверждать, что и сейчас счастье обходит вас стороной? Если это так, то можете с этой минуты считать себя абсолютно свободной. Вы вправе также предпринять против меня любые шаги! И, естественно, я верну вам ваши сто фунтов. Ну так как, миссис Румер, счастливы вы сейчас или нет?

Миссис Румер взглянула на мистера Пайна. Тот смотрел на нее, не опуская глаз, словно был уверен в своей правоте.

— Да нет. Не могу утверждать, что я несчастна. — В ее голосе сквозило чувство радости. — Я благодарна вам за то, что вы привезли меня сюда. С тех, пор как умер Абнер, мне ни разу не было еще так хорошо. Скоро я выхожу замуж. Его зовут Джо Велш, он работает здесь. Наша помолвка назначена на воскресенье.

— Но теперь, разумеется, свадьба расстроится? — спросил мистер Пайн.

Миссис Румер густо покраснела. Она сделала шаг вперед. — Почему она расстроится? Неужели вы думаете, что раз у меня скопилось много денег, я стала настоящей леди. Я вовсе не жажду быть благородной дамой. Благодарю покорно. Они все такие беспомощные. Джо меня вполне устраивает, а я устраиваю его. У нас есть все необходимое.

чтобы зажить счастливо. На моем личном счету в банке лежит семьсот фунтов, их хватит для того, чтобы купить небольшую ферму. Остальные деньги я жертвую госпиталям.

— Вы хотите пожертвовать своей беззаботной жизнью в пользу больных людей?

— Именно! Джо парень хороший, но духом он слаб. Большое состояние будет для него губительным. Я отучила его пить и всегда буду беречь его от этого греха. А в своих силах у меня, слава богу, сомнения нет. Не позволю, чтобы деньги разрушили мою счастливую жизнь.

— Вы замечательная женщина, — неторопливо произнес

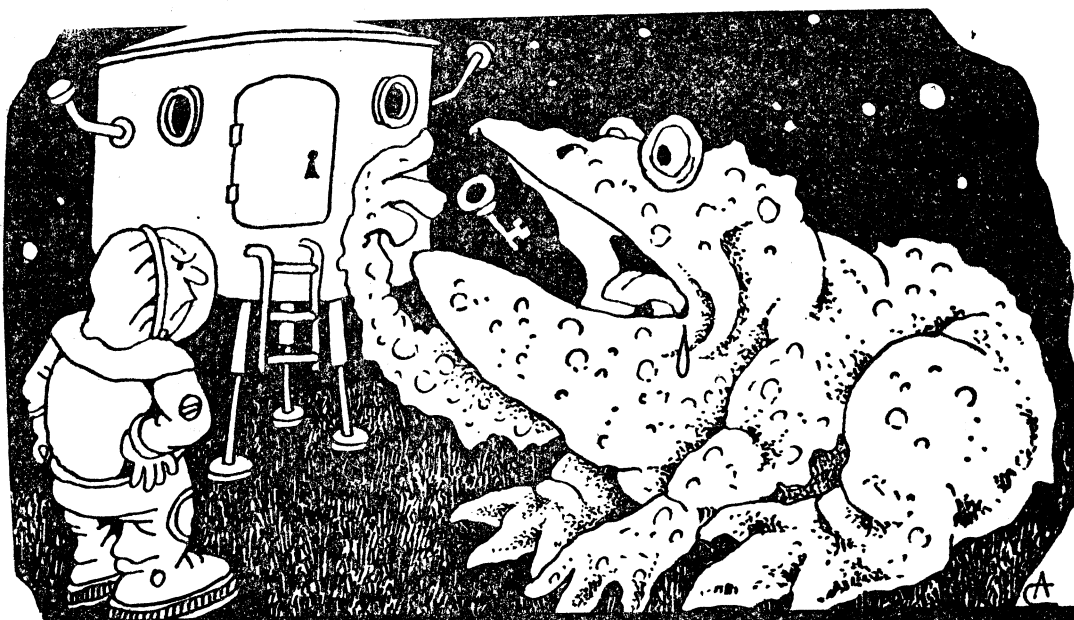
мистер Пайн. — Только одна из тысячи смогла бы, наверное, решиться на это.

— Но ведь и далеко не каждая женщина испытывает по-настоящему сильные чувства.

— Я преклоняюсь перед вами, — в голосе Пайна слышалось нескрываемое восхищение. Он надел шляпу и не спеша зашагал прочь.

— Не говорите ничего Джо! Он не должен ни о чем знать! — крикнула ему вслед миссис Румер.

Пока Пайн не скрылся за поворотом, она продолжала стоять, и ее гордо вскинутая голова, а также величественная фигура крестьянки еще долго вырисовывались на фоне заходящего солнца.

Вот прелестный маленький рассказ ужасов, в котором всего два предложения:

Последний человек на Земле одиноко сидел в комнате. В дверь постучали...

Два предложения и три точки. Бесъужас, конечно, совсем не в истории, она многоточия. В подразумеваемом: что же постучало в дверь. Лицом к лицу с неизвестным человеческий разум создает нечто страшное.

Но в действительности оно совсем не было ужасным.

Последний человек на Земле — или если на то пошло, то и во Вселенной — одиноко сидел в комнате. Это была довольно странная комната. Он как раз и думал о причинах ее своеобразия. Результаты размышлений не ужасали его, но и не радовали.

Уолтера Фелана, профессора антропологии Хотанского университета, прекра-

тившего свое существование два года назад, напугать было нелегко. Хотя внешность у него была отнюдь не героическая. Он был небольшого роста и кроткого нрава. Он и сам знал о своей внешней неприметности, но сейчас это вряд ли беспокоило его.

По правде сказать, его сейчас вообще почти ничто не волновало. Абстрактно он понимал, что два дня назад, буквально в течение одного часа, человечество перестало существовать. За исключением его самого, и где-то — одной женщины. Но этот факт ни в малейшей степени не заботил Уолтера Фелана. Скорее всего, он ее никогда не увидит. И Уолтер Фелан против этого ничего не имел.

После смерти Марты, полтора года назад, женщины просто не играли никакой роли в жизни Уолтера. Марта была неплохой женой, хотя и любила немного покомандовать. Да, он любил Марту, тихо и глубоко. Сейчас ему было всего сорок, когда Марта умерла, ему было только тридцать восемь, и он — ну... он просто совсем не думал о женщинах с тех пор. Его жизнь была в книгах: в тех, которые он читал, и в тех, которые писал. Сейчас уже не было смысла писать книги, но у него была вся жизнь, чтобы их читать.

В сущности, общество еще одного человека из помешало бы, но он вполне обходился и без него. Быть может, когда-нибудь он дойдет до того, что будет пслучать удовольствие от общения с кем-нибудь из Занов, хотя представить себе это было трудно. Их мышление настолько отличалось от человеческого, что было действительно трудно представить, чтобы они нашли общую тему для разговора. Они были разумны по-своему, но, впрочем, может быть так разумен и муравей. Ни один человек никогда не общался с муравьем. Уолтер почему-то думал о Занах как о супер-муравьях, хотя они ничуть не были на них похожи. И у него было ощущение, что Заны смотрят на человечество так же, как люди смотрели на муравьев. Без сомнения, Заны сделали с Землей то, что люди могли сделать с муравейником. Только Заны сделали это куда быстрее.

Они были очень любезны. Как только он понял, что ему суждено провести в этой комнате одному всю оставшуюся жизнь, или, как сказали Заны, вечно, и как только он им объяснил, что ему нужно, они дали ему множество книг.

Даже у выдающегося ума, а Заны несомненно обладали выдающимися умами, есть свои маленькие странности. Заны научились говорить по-английски буквально за несколько часов, но они упорно разделяли слоги. Однако, мы отвлеклись.

В дверь постучали...

Вот я вам все и рассказал, за исключением многоточия. Теперь я его добавлю и покажу вам, что за ним не кроется ничего странного.

— Войдите, — сказал Уолтер, и дверь приоткрылась.

Это был, конечно, всего лишь Зан. Он выглядел точно так же, как и все остальные Заны. Если они вообще чем-то друг от друга отличались: Уолтер пока разницы между ними не замечал. Зан был фута четыре ростом и выглядел как нечто абсолютно неземное — то есть

как нечто, что было неземным, пока Заны не прилетели на Землю.

Уолтер сказал:

— Привет, Джордж.

Когда Уолтер узнал, что у Занов нет имени, он решил их всех называть Джорджами. Заны не возражали.

Этот Зан сказал:

— При-вет, Уол-тер.

Это стало традицией: стук в дверь и приветствие. Уолтер ждал.

— Воп-рос пер-вый, — сказал Зан.

— Впредь, пожалуй-ста, сиди-те ли-цом в дру-гую сто-рону.

— Я так и думал, Джордж, — ответил Уолтер. — Эта стена с той стороны прозрачная, не так ли?

— Она про-зрач-ная.

Уолтер вздохнул.

— Я так и думал. Гладкая пустая стена, даже мебели около нее нет. И выглядит не так, как другие стены. А если я буду упорствовать и по-прежнему сидеть к ней спиной? Что тогда? Вы меня убьете? Я это спрашиваю с надеждой.

— Мы отни-мем у тебя кни-ги.

— Пожалуй, ты меня убедил, Джордж. Ладно, я буду поворачиваться в нужную сторону, когда читаю. Сколько еще животных, не считая меня, в вашей зоопарке?

— Две-сти шестнад-цать.

Уолтер покачал головой.

— Далеко не все, Джордж. Даже второсортном зоопарке животных больше, то есть было бы больше, если бы остался хоть один второсортный зоопарк. Вы что, отбирали нас наобум?

— Ды, случай-ные экземп-ля-ры. Все виды слиш-ком мно-го. Самец и сам-ка каждого из ста видов.

— И чем вы их кормите? Я имею в виду хищников.

— Мы делаем пищу. Синте-тиче-скую.

— Остроумно. А флора? Вы собрали и ее тоже?

— Колебания не вре-дят фло-ре. Она по-преж-нему рас-тет.

— Флоре повезло. Вы обошлись с ней не так сурово, как с фауной. Ну хорошо, Джордж, ты начал с «вопроса один». Отсюда я заключаю, что где-то прячется и вопрос два. И что это за вопрос?

— Есть кое-что, чего мы не пони-маем. Двое живот-ных ус-нули и не про-сы-паются. Они холод-ные.

— Это случается и в самых лучших зоопарках. Вероятно, ничего страшного, но считая того, что они умерли.

— Умерли? Это значит прекра-тились. Но их ничто не прек-ращало. Их никто не тро-гал.

Уолтер усталился на Зана.

— Джордж, ты что, не знаешь, что такое естественная смерть?

— Смерть — это ког-да сущест-во уби-вают, прек-ращают его сущест-во-вание.

Уолтер Фелан прищурился.

— Сколько тебе лет, Джордж? — спросил он.

— Шестнад-цать... Ты не знаешь этого слова. Твоя планета оберну-лась вокруг Солнца пример-но семь раз. Я еще мо-лод.

Уолтер тихо присвистнул.

— Ну прямо младенец, — сказал он. Он задумался на мгновение. — Послушай, Джордж, я должен тебе кое-что рассказать об этой планете. У нас здесь есть кое-кто... У вас там такого, по-видимому, нет. Такая пожилая дама с косой и песочными часами. Ее ваши колебания не убил.

ФРЕДЕРИК БРАУН СТУК В ДВЕРЬ

— Что она такое?

— Можешь назвать ее Неумолимой Жницей. Или Старухой Смертью. У нас и люди, и животные живут до тех пор, пока эта Старуха Смерть не прервет их жизнь.

— Она прервала жизнь тех двух существ? Она делает это с другими?

Уолтер открыл было рот, чтобы ответить, и снова закрыл его. Что-то в голосе Зана подсказывало, что если бы у него было лицо, то оно было бы беспокойно нахмуренным.

— Как насчет того, чтобы показать мне этих непосыпающихся животных, — спросил Уолтер. — Это не против ваших правил?

— Пошли, — ответил Зан.

Это было на второй день, в полдень. На следующее утро Зан пришел снова, и не один, с ним было еще несколько Занов. Они начали переносить книги Фелана и мебель. Закончив, они предложили перейти и ему. Уолтер Фелан оказался в значительно большей комнате.

Он сел и снова стал ждать. Когда в дверь постучали, он уже знал, что сейчас произойдет. Из вежливости он встал и сказал:

— Войдите.

Зан открыл дверь и посторонился. Вошла женщина.

Уолтер слегка поклонился.

— Уолтер Фелан, — сказал он, — это на тот случай, если Джордж не сказал, как меня зовут. Он старается быть вежливым, но не знает наших обычаев.

Он был рад заметить, что женщина казалась спокойной. Она сказала:

— Меня зовут Эванс Грэйс, мистер Фелан. Что все это значит? Зачем они меня сюда привели?

Пока она говорил, Эванс Грэйс внимательно рассматривал ее. Она была высокая, не ниже, чем он, и хорошо сложенная. Ей было где-то около тридцати, столько же было и Марте. Она держалась просто, но с достоинством, поэтому всегда так нравилось в Марте. «И вообще, она порядком похожа на Марту», — подумал он.

— Вы и сами, наверное, догадываетесь, зачем вас сюда привели, но сначала давайте о другом. Вы знаете, что вообще произошло?

— Вы имеете в виду то...то, что они всех убили?

— Да. Пожалуйста, садитесь. Вы знаете, как они это сделали?

Она уселась в стоявшее тут же мягкое, уютное кресло.

— Нет, — сказала она. — Как именно они это сделали, я не знаю. Вряд ли это очень существенно, не так ли?

— Пожалуй, что так. Но насколько я понял из того, что мне рассказал один из тех, произошло вот что. Я не знаю, много ли этих Занов там, откуда они прилетели. Если уж на то пошло, то я вообще не знаю, откуда они собственно прилетели. Но полагаю, что не из нашей Солнечной системы. Вы видели их космический корабль?

— Да, он огромен, как гора.

— Почти. Ну так вот, у них есть аппарат, излучающий какие-то колебания, — это они так это называли, хотя я думаю, что эти их колебания ближе к радиоволнам, чем к звуку, — колебания, уничтожившие всех животных. Сам корабль от них защищен. Я не знаю, достаточен ли радиус действия этой штуки, чтобы уничтожить всю жизнь на планете

сразу, или же они летели вокруг Земли кругами, но они уничтожили всех практически мгновенно и, надеюсь, безболезненно. Единственное, почему мы, и еще две с лишним сотни животных не погибли, так это потому, что мы были внутри корабля. Мы — образцы местной фауны. Вы, конечно, знаете, что это зоопарк?

— Я... Я это подозревала.

— Передние стены с той стороны прозрачны. Заны очень ловко создали внутри каждой камеры условия, близкие к естественной среде обитания содержащихся в них животных. Эти камеры сделаны из пластика, у Занов есть такая машина, которая штампует их штук по шесть в час. Если бы на Земле были такие машины и такая технология, то у нас не было бы нехватки жилья. Ну, в любом случае, недостатка в жилье сейчас нет. И я думаю, что человечество — конкретно вы и я — можем больше не беспокоиться о новой войне и атомных бомбах. Заны, несомненно, решили для нас множество проблем.

Эванс Грэйс едва заметно улыбнулась.

— Еще один случай, когда операция прошла удачно, но пациент умер. Дела у нас действительно были неважнецкие. Вы помните, как вас схватили? Я — нет. Как-то вечером я заснула, а проснулась уже в клетке, на борту космического корабля.

— Я тоже не помню, — сказал Уолтер.

— Я думаю, что они сначала использовали свои колебания на низкой интенсивности, только-только чтобы мы потеряли сознание. Затем они более или менее, ноабум, отобрали экземпляры для своего зоопарка. Отобрав все, что им нужно, или пока не кончилось место на корабле, они включили генераторы на полную катушку. Вот, собственно, и все. И только вчера они поняли, что переоценили нас. Они думали, что мы тоже бессмертны.

— Что мы... что?

— Их можно убить, но естественная смерть им неизвестна. Ну по крайней мере была неизвестна до вчерашнего дня. Двое из нас вчера умерли.

— Двое из нас...А-а...

— Да, двое из нас, животных в этом зоопарке. Два вида исчезли безвозвратно. По меркам времени Занов, и остальные виды проживут всего несколько минут. А они-то думали, что их зоопарк надолго.

— Вы имеете в виду, что они не подозревали, как скоротечна наша земная жизнь?

— Точно, — сказал Уолтер. — Один из них поведал мне, что он молод, ему всего 10-12 миллиардов лет. Между прочим, у них тоже есть два пола, но они, наверное, различаются раз в миллиард лет, или что-то около того. Когда они вчера узнали, какая смехотворная короткая у нас, земных животных, жизнь, они, вероятно, были поражены до глубины души, если только у них есть души. Во всяком случае, они решили реорганизовать свой зоопарк и содержать животных попарно, а не по одному. Они надеются таким образом сохранить если не конкретную особь, то хотя бы вид.

— Ах, вот оно что!

Эванс Грэйс вскочила с места. Ее щеки пылали.

— Если вы думаете... Если они думают...

Она повернулась к двери.

— Дверь заперта, — спокойно сказал Уолтер Фелан. — Но вы можете не волноваться. Они, может быть, и думают, но я — нет. И не надо мне говорить, что, будь я последним человеком на Земле, вы бы все равно не согласились. В данных обстоятельствах это прозвучало бы банально.

— Но неужели они собираются держать нас вдвоем в этой маленькой комнатке?

— Комнатка не так уж мала, как-нибудь поместимся. Я вполне могу спать в кресле. И поверьте, я с вами полностью согласен. Не говоря уже о личных соображениях, мы окажем человеческой расе большую услугу, если дадим ей вымереть вместе с нами, вместо того, чтобы продолжать свое существование в зоопарке.

— Спасибо, — чуть слышно сказала она.

Ее глаза сердито сверкали, но Уолтер понимал, что сердится она не на него. «Как она сейчас похожа на Марту», — подумал он.

Улыбнувшись ей, он сказал:

— В противном случае...

На секунду ему показалось, что она сейчас подойдет и влетит ему пощечину. Но она только сказала с горечью:

— Если бы вы были настоящим мужчиной, то придумали бы, как нам... Вы говорите, их можно убить?

— Занов? Конечно. Я за ними наблюдаю. Они совершенно на нас не похожи, но я думаю, у них примерно такой же обмен веществ, та же система кровообращения и пищеварения. И я думаю, что все, что смертельно для нас, будет смертельно для них.

— Но вы говорили...

— Ну, есть, конечно, и различия. Мы не знаем, от чего люди стареют, но что бы это ни было, у Занов этого нет. А может, у них какие-то железы, которые обновляют клетки и которых нет у людей. Вернее, такие железы, которые делают это чаще, чем раз в семь лет, как у человека.

Она наклонилась вперед и сказала:

— Наверное, так оно и есть. Хотя боли они, похоже, не чувствуют.

Как раз на это он и надеялся. Он сказал:

— Почему вы так думаете?

— Я нашла у себя в комнате кусок проволоки и натянула его поперек двери. Входя, Зан запнулся, и проволока порезала ему ноги.

— До крови?

— Да, но, похоже, это его не беспокоило. Он даже не разозлился, просто снял проволоку и ушел. Когда он вернулся спустя несколько часов, пореза уже не было видно. Ну, почти не видно. Остался только слабый след.

Уолтер Фелан задумчиво кивнул.

— Конечно, он не рассердился. У них вообще нет эмоций. Если мы уьем одного из них, они нас, может, и не накажут. Просто будут передавать нам пищу в окошко и держаться от нас подальше. В общем, будут обращаться с нами так же, как люди обращались бы с животным в зоопарке, которое растерзало своего смотрителя.

— Сколько их?

Уолтер сказал:

— На этом корабле, думаю, сотни две. А вообще, конечно, гораздо больше.

Они, наверное, послали корабль-разведчик, чтобы он очистил планету и сделал ее безопасной для Занов, которые здесь поселятся.

— И это им уда...

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Уолтер Фелан.

Дверь приоткрылась. На пороге стоял Зан.

— Привет, Джордж, — сказал Уолтер.

— Привет, Уолтер.

Тот же ритуал. Тот же Зан?

— Ну, что скажешь?

— Еще одно живот-ное усну-ло и не про-сыпа-ется. Ма-лень-кое, мох-натое, называ-ется лас-ка.

Уолтер пожал плечами.

— Ну что ж, бывает. Старуха Смерть.

Помнишь, я тебе рассказывал.

— И что еще хуже, умер один Зан.

Се-годня ут-ром.

— Ну что ж, если вы собираетесь здесь жить, то вам придется к этому привыкнуть.

Зан ничего не ответил. Но и не уходил.

Наконец Уолтер сказал:

— Ну?

— Насчет лас-ки. Вы сове-туете де-лать то же самое?

Уолтер пожал плечами.

— Может быть, и не поможет. Но все равно попробуйте.

Зан ушел.

Когда звук его шагов затих, Уолтер усмехнулся.

— Кто знает, Марта, может, и сработает, — сказал он.

— Мар... Меня зовут Грэйс, мистер Фелан. Что именно сработает?

— А меня зовут Уолтер, Грэйс. Привыкайте. Знаете, вы очень напоминаете мне Марту, мою жену. Она умерла пару лет назад.

— А-а... Но что может сработать? О чем вы говорили с Заном?

— Завтра узнаем, — сказал Уолтер.

И больше она ни слова из него не вытянула.

Был третий день пребывания Занов на Земле. Следующий день стал последним.

Был уже полдень, когда пришел один из Занов. Он молча стоял в дверях. Бы-

ло бы интересно описать, но слов для этого просто не существует. Наконец он сказал:

— Мы уле-таем. Так ре-шил Со-вет.

— Еще кто-нибудь из ваших умер?

— Прош-лой но-чью. Это пла-нета смер-ти.

Уолтер кивнул.

— Не без вашего участия. Из нескольких миллиардов живых существ осталось всего двести тринадцать, не считая нас. И можете не возвращаться.

— Мы мо-жем что-нибудь сде-лать для вас?

— Да. Улетайте поскорее. И оставьте открытой только нашу дверь. Об остальном мы сами позаботимся.

Зан кивнул и вышел.

Глаза Грэйс Эванс сияли. Она спросила:

— Как?.. Что?..

— Подождите, — остановил ее Уолтер. — Пусть они сначала взлетят. Я хочу услышать и запомнить этот звук.

Ждать пришлось всего несколько минут. Уолтер Фелан наконец расслабился и плюхнулся в кресло.

Он тихо сказал:

— В раю тоже была змея, Грэйс, и с нее начались все беды. Но зато это змея нас спасла, искупив вину той. Только здесь была гремучая змея.

— То есть вы хотите сказать, что эти два Зана умерли из-за нее? Но...

Уолтер кивнул.

— Когда они показали мне первых животных, которые «заснули и не просыпаются», я увидел, что одно из них — гремучая змея. И у меня родилась идея. Я подумал: вдруг ядовитые змеи существуют только на Земле и Занам ничего о них не известно? И может быть, их обмен веществ так похож на наш, что змеиный яд окажется для них смертелен. В общем, попытка не пытка. А терять мне было нечего. И я оказался прав в обоих случаях.

— А как вам удалось заставить змею...

Уолтер Фелан усмехнулся.

— Я рассказал им, что такое любовь. Они этого не знали. Но они были заинтересованы в том, чтобы сохранить

оставшиеся экземпляры как можно дольше, чтобы успеть их описать. Я сказал им, что животные, оставшиеся без пары, умрут без любви и постоянной ласки, и показал, как это делать, на примере утки. Она и была вторым животным, оставшимся без партнера. К счастью, утка оказалась домашней, и я спокойно мог прижимать ее к груди и гладить. Потом я сказал, что так с ней и надо обращаться. И с гремучей змеей тоже.

Он встал, потянулся и снова сел, устроившись поудобнее. Он сказал:

— Ну что ж, подумаем, что делать дальше. Животных придется выпустить, но тут надо все тщательно обдумать. Диких травоядных можно сразу освободить и пусть сами о себе заботятся. А домашних лучше оставить, они нам пригодятся. Но плотоядные, хищники... Надо думать. Хотя боюсь, что выбора у нас нет. Разве что мы научимся делать для них синтетическую пищу.

Он посмотрел на нее.

— И человеческая раса. Надо что-то решать.

Она неподвижно сидела в кресле. Ее лицо порозовело.

— Нет, — сказала она.

Он продолжал, как будто не слыша ее:

— Эта раса была не так уж плоха, хотя не все было гладко. Все начнется заново, если, конечно, мы так решим. Мы можем собрать книги и попытаемся сохранить знания, во всяком случае, наиболее важные. Мы можем...

Она резко встала и направилась к двери. «Ну точно, как Марта до того, как мы поженились», — подумал он. А вслух сказал:

— Подумайте хорошенько и не торопитесь. Но я буду вас ждать.

Дверь хлопнула. Он ждал и думал обо всем том, что придется сделать.

И спустя некоторое время он услышал ее неуверенные шаги.

Он улынулся. Видите? И правда, не страшно.

Последний человек на Земле одиноко сидел в комнате. В дверь постучали.

Петр М. Тарасьева.

Когда в селах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.

Семь волков идут смело.
Впереди их идет
Волк восьмой, шерсти белой;
А таинственный ход
Заключает девятый.
С окровавленной пятой,
Он за ними идет и хромает.

Их ничто не пугает.
На село ли им путь,
Пес на них и не лагает,
А мужик и дохнуть,
Видя их, не посмеет:
Он от страха бледнеет
И читает тихонько молитву.

Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом,
Близ корчмы водят ухом
И внимают всем слухом,
Не ведутся ль там грешные речи?

Их глаза, словно свечи,
Зубы шила острей.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело,
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.

На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Девять мертвых старух.
Впереди их седая,
Позади их хромая.
Все в крови... с нами крестная сила!

(1840-е годы)

Толстой А.К. **Собрание сочинений в 4 т. Т 1, М., «Правда», 1963 г.**

СОДЕРЖАНИЕ

Замкнутый разум Майкл Коуни	1
На высоте положения Джон Кшижэкс	9
Обыкновенный Homosapiens Максим Басенко	12
Заклятие (комикс) Станислав Ашмарин	13
Спящая Друза Сергей Иванов	21
Дело богатой женщины Агата Кристи	24
Стук в дверь Фредерик Браун	29
Волки А. К. Толстой	32

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» и журналом «Уральский следопыт».

Над пятнадцатым выпуском «ПиФа» работали:
М. Пудовкин, С. Гаврилова, Л. Йокитулло,
С. Казанцев, О. Аржанников.

Ответственный за выпуск **С. Мешавкин.**

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

© Свердловск. Кооператив «Свиток». 1990. 32 с.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,42.
Заказ № 1761. Тираж 160 000. Цена 1 руб.
Подписано в печать 29.12.90 г.
Кооператив «Свиток».

Типография изд-ва «Челябинский рабочий».
Наш адрес: 620063, г. Свердловск, ул. Декабристов, 67.